

Игорь Зенин

ОТРЕЧЕНИЕ

СУПЕР Издательство

Игорь Зенин

Отречение

«СУПЕР Издательство»

1999

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84-445.1

Зенин И.

Отречение / И. Зенин — «СУПЕР Издательство», 1999

ISBN 978-5-907006-95-9

Роман посвящён современным проблемам современного человечества с позиции мудрости, благородства и доброты. События происходят в ближайшем будущем с двумя молодыми людьми в городе Нск на планете Тенля. Им приходится спасать планету от чужеродного вторжения враждебных сатанинских сил как снаружи, так и изнутри. События происходят в течении нескольких лет.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84-445.1

ISBN 978-5-907006-95-9

© Зенин И., 1999

© СУПЕР Издательство, 1999

Содержание

Вместо предисловия	7
Часть 1. Саморская картинка	8
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Зенин

Отречение

© Зенин И., 1999

© ООО «СУПЕР Издательство», 2017

* * *

За прошедшие более десяти лет изменилось многое. Прежде всего – в моём сознании. Работы Фоменко и Носовского и других выдающихся русских учёных прояснили картину истории, которую я не мог понять с детства (я не вру, тогда уже мне была не понятна странная нелогичность истории, которую преподносили в школе).

Как известно, математика – царица всех наук. И с помощью этой всемогущей царицы нашим русским учёным удалось обнаружить многое враньё, которое вписали всевозможные умники в летописи прежних веков. Очень многое было придумано. Мы знаем официальную науку по фантазиям всевозможных прохиндеев. Но что было на самом деле?

Знакомым и друзьям я говорю: странно, почему не прижилась в мировой истории как реальность история о государстве Утопия? Фантазия о самом справедливом государстве. Ведь прижились фантазии о древнем Риме, древней Греции... Я пытался найти автора придуманной истории об Олимпийских играх. Официальная история приписывает это придуманному Гераклу, чья биография, как показывают корреляционные исследования (не самые замудренные в современной математике – по сути – это методы сравнения), списана с русского князя Андрея Боголюбского... Другими словами, Олимпийские игры – национальные многовековые русские игры.

Хочу сказать несколько слов о самой теории новой хронологии. Против логики возражать трудно. А новая хронология основана на «железной» логике. Логика – основа преобразований булевой алгебры, фундамент опять-таки математики. Правда, это касается честных адекватных людей. А любая наука – это прекрасный бизнес. И новая хронология, по своей сути, отправляет в мусорную корзину тысячи лжеучёных современной доктрины по всему миру, которые написали мириады кандидатских и докторских диссертаций на основе биографий и цитат придуманных персонажей прошлого. Многие придуманные персонажи, как выяснилось с помощью треклятой математики, присутствуют у меня. Но человеческая мысль на протяжении веков так олицетворила эти мифы, что они стали реальными в нашем сознании. Я прекрасно понимаю, что на третьем-четвёртом десятке, когда мозг уже начинает костенеть, отказаться от знаний, которые получены в детстве, практически невозможно. Ну просто мозг не хочет понимать и осознавать, что не было Чингисхана, Александра Македонского, Римской империи и Древней Греции!!! И многого другого!!! Была громадная единая империя...

Кроме этого, я очень много времени потратил на изучение и осмысление такого явления (о которой не ведаёт современная психология), как планетарная психотроника, планетарное колдовство. Эта сущность обладает невероятной силой и мощью. Я не затрагиваю вопросы жидомассонства, я говорю о том, чего не видят многие «продвинутые» экстрасенсы. Поэтому пришлось опять взяться за перо, которое я виртуально переломал и сжёг в виртуальном камине..... Я не хочу врать, именно это желание требует корректировать свои мысли, которые, как показывает статистика, вызывают интерес у читателей.

Осмелюсь сделать научную гипотезу, которая, по сути, не имеет отношения к этому роману, но имеет прямое отношение к подоплёке сюжета и к основным героям. Пассионарная теория Гумилёва гласит, что выдающиеся события в истории происходили векторно,

словно сквозь века пролетела божественная стрела. Теория Фоменко это полностью отвергает. Но ничего не пропадает никуда! Как же быть с невероятным объёмом знаний великого Льва Николаевича Гумилёва? Он изучил невообразимое количество исторических документов, систематизировал их и объединил по признакам одинаковых деталей. Невероятно громадный труд, заслуживающий уважения. Моя гипотеза заключается в следующем.

События, которые похожи по описанным в рукописях событиях – это не реальные события, а результат перевода с временным переносом. Другими словами, пассионарный след – это путь движения одной рукописи в пространстве и времени с искажениями перевода. Пути движения знаний по планете. Таких траекторий Лев Гумилёв обнаружил семнадцать в истории планеты.

В итоге, редакция романа оказалась небольшая... Но в них – десятилетие переосмысления.

Вместо предисловия

Эту повесть я начал писать в феврале 1986 года, за четыре месяца до Чернобыля. А про Учителя Иванова я узнал примерно через полгода. Поэтому прошу не винить меня в историческом плагиате – его не было.

Выражаю признательность тем, кто, сам того не подозревая, участвовал в создании этой повести:

Горелкин Алексей,

Цветков Юрий,

Чуб Сергей,

Печерский Александр.

Я преклоняюсь перед их интеллектом.

Часть 1. Саморская картинка

Аврал

Услышав сигнал первой категории, Робин на мгновение замер, не веря своим ушам. Резкий и пронзительный вой, исходящий из наушников скафандра, спутать нельзя было ни с чем. Сигнал действовал на человека парализующе, пропадало желание двигаться, нервная система возбуждалась до состояния взведённой боевой пружины. Звук просачивался в самый центр мозга. Робина охватил ужас, сердце похолодело, стало биться реже и слабее, с трудом качая загустевшую кровь. Это длилось считанные мгновения. Сигнал вдруг затих, оглушив тишиной. Вернулось спокойствие. Робин, быстро перебирая ногами в неуклюжем скафандре, рванулся в сторону стоянки. Теперь мысли работали чётко. Он пытался предположить, что могло произойти.

В течение шести лет, с того времени, как Робин работал в компании «Космические путешествия», он ни разу не слышал, что бы кто-нибудь пользовался этим сигналом.

Стоянка была недалеко от места работы. Уже виднелся чёрный блестящий шпиль с пластиковым флагом Амирии, который переходил в капитанскую рубку.

Плотную пелену остывшей тишины прорезал голос капитана:

– Робин, ты остаёшься за капитана на спускаемом корабле, срочно собирай всё, что можно, остальное – бросай. Через тридцать минут взлетайте. Я жду вас на головной части. Как понял? Приём.

Услышав приказ, Робин потерял дар речи, ведь даже ребёнок понимает, что взлететь через тридцать минут после получения приказа – такого не бывает даже в кинофильмах! Ведь нужно ещё успеть собраться самим! Но, тем не менее, Робин ответил:

– Вас понял. Всё собрать и через полчаса взлететь.

Когда Робин подходил к кораблю, на горизонте был виден прыгающий «Краб» Дэнила Лонга. Вслед за ним прыгал вездеход Джона Лифта. Но не было видно Джейн. Находясь в шлюзовой камере, пока не установится нормальное давление, Робин вышел в эфир и запросил её. Ответа не последовало. В данной ситуации это меньше всего устраивало Робина. В раздевалку из второй шлюзовой камеры вошли Дэнил и Джон. Выскакивая из шлюза, Робин на бегу спросил, говорила ли Джейн сегодня утром что-нибудь насчёт своих планов? Они не знали. Зайдя в капитанскую рубку, Робин оторопел, но, взглянув на монитор компьютера, облегченно вздохнул: ему стало понятно, почему капитан дал всего тридцать минут до взлёта. Бортовая аппаратура работала, проверяя все системы, Электронный Помощник Капитана, или просто Эпокап, производил анализ работы термоядерного реактора двигателя. Зелёное и синее перемигивание индикаторов, ровное свечение трёх основных терминальных пультов успокоило Робина. Положив палец на сенсор связи, он вышел в эфир:

– Джейн! Джейн! Почему не отзываешься? Что случилось? Любыми способами попробуй связаться с кораблем! Через двадцать пять минут экстренный взлёт, стоянку покидаем на неизвестное время. Слышишь ли ты меня? Выйди в эфир, Джейн!! Приём!

Динамик лишь изредка издавал щелчки помех, но голоса повара и врача экспедиции не было слышно в эфире дикой планеты.

– Джон! Приём!

– Слушаю, – заговорил динамик голосом Джона.

– Приказ: бери всех роботов, что можно забрать – бери, что можно законсервировать – пусть роботы сделают. Рассчитывай на десять-двенадцать минут.

– Хорошо, – буркнул в ответ Джон.

Тем временем Дэнил осматривал и готовил двигатель к старту. Эпокап работал на всю катушку, но Дэнил, мало обращая на него внимания, сам контролировал важные блоки. Робин уже слышал лёгкий гул первой затравки, что означало пятнадцатиминутный отчёт до старта. Он думал только о Джейн. Вдруг его осенило. Он нажал с силой на сенсор технической связи, надеясь связаться с «Крабом». Переливный сигнал вездехода раздался в ответ. Обрадованный Робин чуть было не заговорил с ним обычным языком, но вовремя вспомнив, что вездеход лишен интеллекта, быстро вцепился в манипулятор управления. Включив телесвязь, и, увидев саморский пейзаж, нажал круговой осмотр. На дисплее медленно плыла картина, на которой кроме песка, камней и рытвин ничего не было видно. Заметив что-то, он остановил движение камеры, увеличил изображение. Это были следы, уходящие вдаль.

– Этого ещё не хватало, – Робин попробовал думать логически, как его учил Джон, но ничего не получалось. Хоть как думай, но следы ясно говорили, что Джейн ушла от своего Краба в неизвестном направлении. В полном оцепенении Робин поднёс палец к сенсору связи.

– Джон, у тебя ещё много работы?

– Почти закончил, осталось осмотреть корабль.

– Чёрт с ним, беги быстрее в рубку.

Через две минуты Джон был рядом, не сняв аваркостюм.

– Смотри, следы уходят от «Краба» за горизонт, а обратных нет.

– Да... Неприятная картина... Ушла в никуда. Ты оглядел весь горизонт, больше нет ничего интересного?

– Нет. Зачем оглядывать весь горизонт, не могла же она уйти неизвестно куда, а вернуться с другой стороны!

Но Джон уже положил свой палец на сенсор управления камерой и саморский пейзаж медленно плыл вбок. Опять рытвины и камни, но не было ничего, что могло заинтересовать астронавтов. Тёмно-коричневая граница горизонта планеты переходила в черноту космоса с бесчисленными узорами переливающихся ярких звёзд. И вдруг, увидев в противоположной стороне совершенно необъяснимую картину, оба друга вскрикнули от полной неожиданности. К «Крабу» шли следы... босого человека.

Джон смотрел, не мигая на дисплей, открыв от удивления рот. Выражение лица было такое, словно ему только что сказали, что через час у него свадьба. Глядя на Робина можно было сказать, что он получил кирпичом по голове. Джон размышлял вслух:

– Вот что: до старта десять минут, «Крабу» Джейн прыгать до стоянки примерно пять минут. У нас есть пять минут на размышление. Вопрос: чьи следы идут к «Крабу» и находится ли кто-нибудь в нём? Если да, то кто этот человек и жив ли он? Давай опустим камеру вниз до отказа и ещё раз посмотрим, иногда видно часть кабины, и осмотрим всё вокруг.

Снова две пары глаз внимательно смотрели на экран, где проплывали ходули «Краба» и следы, одни от вездехода, оставленные от подошв ботинок скафандра, а другие, с противоположной стороны – маленьких босых ног. В кадр попало изображение угла кабины. Джон остановил движение камеры.

– Смотри: это напоминает локон волос, словно Джейн находится в кабине. У нас одна минута, и надо решить, есть ли смысл звать «Краба», или оставить его там, предполагая, что им сможет воспользоваться Джейн, когда вернётся.

Робин тупо смотрел на дисплей, подсознательно чувствуя, что Джон уже знал ответ на этот вопрос.

– Твои соображения? – тихо спросил он.

– А мои соображения вот какие: сигнал первой категории звучит впервые на нашем веку, и никто не знает, на какое время мы покидаем планету. Это первое. Могу сказать по

секрету, что наши ребята в замаскированных костюмах в условиях полной секретности монтировали какую-то штуку за Горным Хребтом. Второе.

– А ты откуда знаешь?!

– Не перебивай. И, наконец, третье: если ты помнишь, год назад к нам прилетали космические геологи, и один из них, йог, на спор простоял пятнадцать минут без скафандра на стоянке.

– Но то – йог, а тут девчонка молодая.

– Что произошло с Джейн – скажет только она, или свидетель происходящего там. Так что решай, Робин.

– Решай, решай, – недовольно произнёс Робин, на мгновение замер, а после дал команду возвращения в лагерь «Крабу» на максимальной скорости. Когда несущийся вездеход появился на горизонте, направив в ту сторону все телекамеры, Джон и Робин в стеклянной кабине вездехода разглядели Джейн. Она лежала в кресле без движений, слегка качая головой в такт содроганиям кабины. Джон, выскакивая из рубки, крикнул: «– Я приму Джейн!». Робин убрал изображение с терминала, а сам, кашлянув, вступил в диалог с Кибернетическим помощником старта корабля, чётко произнося фразы.

– Как работают системы корабля?

– В заданном режиме.

– Все ли готово к пуску?

– Нет.

– Что не готово?

– Не закончены проверки систем корабля.

– Как долго будут идти проверки?

– Две минуты тридцать пять секунд,

– Какое давление в резервных кислородных баллонах?

– Пять процентов больше нормы.

Тем самым временем Джон уже стоял около входа в шлюз в ожидании «Краба». Только успели закрыться шлюзовые двери за вездеходом, как корабль, выпустив тучу белого дыма, переходящий в огненный смерч, стал медленно покидать планету, набирая высоту. Самора оставалась внизу, постепенно превращаясь в шар: сначала весь лагерь уменьшился в размерах, через полминуты он был размером с монету, ещё через полминуты долина Сухое озеро была размером с ноготь, и ещё через какое-то время уже можно было увидеть всю планету, глядя в два разных иллюминатора корабля.

Ностальгия

Робину было жалко улетать с этой планеты, на которой было прожито полтора года по Саморскому календарю, что по Тенным меркам составляло чуть меньше года. Здесь было всё: печали и радости, праздники и будни, слаженные рабочие дни и дни, когда всё сыпалось из рук, работа не клеилась, все кричали друг на друга, ломались роботы и «Крабы».

За это время экспедиция в пять человек успела многое: было построено четыре здания, возведена первая очередь солнечной электростанции, с помощью направленного взрыва «вырыт» котлован для первого реакторного блока термоядерной электростанции, возведен огромный стеклянный колпак-здание тепличного сада.

Этим составом экспедиция под кодовым названием «Отряд НХВ-520» бороздила космос более пяти лет. Предыдущие задания требовали от астронавтов в основном получение разведданных, научных или спецназначения. Большая часть времени проходила в открытом космосе, вдали от планет и от самой Матушки-Тенли. Либо «Отряд НХВ-520» мчался к какой-нибудь из планет в течение нескольких месяцев, собирал нужную информацию за

две-три недели, и ложился на обратный курс, либо он более года вращался по одной и той же орбите вокруг Тенли, делая научные и технические эксперименты. После этого их продукция попадала в руки военных концернов. Экспедиция на Самору – это единственный случай, когда все члены корабля находились все вместе, без корабля, и без космоса. Всё это время вокруг Саморы одиноко кружил по орбите основной корабль, доставивший их сюда. С помощью двух спускаемых аппаратов, основного и командирского, там побывали все члены экспедиции по разным причинам. Но основное время члены экспедиции были вместе, работали вместе, на Саморе. Потому-то и покидать её было грустно, что здесь оставалось что-то дорогое, близкое для всех участников экспедиции.

...Робин сидел за капитанским пультом командирского спускаемого аппарата, уныло глядя в иллюминатор на уходящий вниз пейзаж, с тоской вспоминая прошедшие дни саморской жизни. Особенно запомнился Международный женский день, который праздновали в честь единственной женщины экспедиции – Джейн Лайт – врача и повара, а заодно метролога, геолога и картографа.

В составе экспедиции Джейн была самая молодая, ей было двадцать пять лет. Природа хорошо над ней поработала: густые тёмно-русые волосы прекрасно подчеркивали синие пронзительные глаза, а чувственные губы всегда были украшены улыбкой. Её нельзя было назвать задирой, наоборот, несмотря на свою весёлость, она была скромной, и первое время почти не разговаривала с участниками экспедиции, сторонилась всех. В своё время Робин и Джон лезли из кожи вон, всячески находя различные способы, чтобы разговорить её. Они не стыдились всевозможных фантастических эпизодов, происшедших с ними. Обсуждая очередной разговор с Джейн, они не заметили, как к ним подплыл Дэнил. Он вынырнул из нижнего люка, ведущего к двигательному отсеку, и пуская густые клубы синего дыма своей сигарой, сказал:

– Парни, вы уже давно перестарались. Я не говорю о тех сплетнях, которые вы травите девчонке. Она понимает, что это – бред старого осла, и не более. Но вы перестарались в другом: вы ей надоели так, что она сегодня забыла посолить ваш завтрак, идиоты. Неужели трудно понять, что ей надо освоиться, а вы каждую минуту пристаёте к ней, мешаете и смущаете её. Посудите сами: молодая и красивая дивчина, которой в самый раз выходить замуж за богатого молодого бизнесмена, бросает родную Тенлю и отправляет себя в пучину великого космоса, словно она монашка или сумасшедшая. Вам не кажется это странным? Но здесь дело в другом. Мне кое-что известно, и я могу вам сказать по секрету, что не ради вас она находится на корабле. И не в ваши обязанности входит веселить её. Так что отстаньте от неё.

– Добрый дядюшка Дэнил, откройте нам эту тайну, иначе мы не отстанем, мы всё должны знать, – загробным голосом произнёс Джон, закатывая вверх глаза, своим видом изображая полного идиота.

– Скажите, иначе мы повесимся, – меняя голос, чтобы он походил на голос вурдалака, был в унисон ему Робин.

– Да заткнитесь вы, дурачье. Джейн – дочь друга капитана, а этот друг как-то связан с руссанами. Но об этом никому, прежде всего – там, – он большим пальцем правой руки показал на иллюминатор, за которым проплывала Тенля.

После этого охламоны – как их в шутку называли капитан и механик, а вслед за ними и наземные службы, – отстали со своими назойливыми рассказами от Джейн. Дела пошли лучше. Джейн все чаще улыбалась, словно забывая о чём-то, постепенно привыкая и осваиваясь в кругу четырех мужчин.

....В тот день вся команда не работала, утро началось с весёлой музыки, и капитан от лица всей команды поздравил Джейн с Международным женским днем. Робин и Джон крутились как волчки, наводя везде порядок, вывешивая поздравительные плакаты, пекли торты

и жарили шашлыки. Джейн была объявлена королевой, и с помощью намёков ей предложили объявить праздничный бал. Гвоздём программы было театрализованное представление роботов, которые играли пьесу Робина-Джона-Секспира «Хотелло». Охламоны смутно помнили эту трагедию, но зато прекрасно знали, что после слов «молилась ли ты на ночь, Дездемонна?», Хотелло её душит.

– Все прекрасно, Робин. У нас есть прекрасный материал. Мы знаем конец, цель, к которой нам надо прийти, а все остальное – ерунда. Так что можно смело писать сценарий.

– Да, конечно. Только не сценарий, а программу. Я надеюсь, что ты не будешь, словно режиссёр, работать и репетировать с роботами, как с артистами. С них хватит чёткой программы, что, где и как сказать, что сделать и куда пойти.

– Ты прав, так что бери и пиши программу для роботов, а я составлю общий сценарий.

Премьера прошла с огромным успехом. Робин, сидевший во время спектакля за терминалом управления, часто включал подпрограмму поклонов, когда восторженная «публика» начинала хлопать в ладоши. Джон в это время включал звук, имитирующий бурю аплодисментов, и создавалось впечатление, что идет настоящий спектакль в переполненном зале. Правда, после этого представления Робину и Джону попало за то, что они задействовали всю мощность компьютера, отключив его от метео – и геонаблюдений, и, на следующий день, во время незамеченного саморотрясения рухнул плохо закрепленный каркас второго корпуса. Пришлось объявлять восстановительный аврал. Кроме того, в пылу азарта, чтобы сделать сцену удушения более наглядной, робот, одетый в костюм Хотелло, порвал все провода у робота, одетого и загримированного под юную Дездемонну. Целый месяц потратили парни на то, чтобы восстановить работоспособность этого бедолаги....

Вспоминая прошедшие дни, Робин вдруг невольно вздрогнул, вспомнив последний час перед отлётом. С тех пор, как Джон выскочил из капитанской рубки встречать Джейн, Робин не знал, что там произошло за это время – он был полностью поглощён стартом. Командир пока на связь не выходил, и по расчётам Робина, до стыковки было ещё немало времени, чтобы узнать о Джейн.

Загадка

– Джон, как у тебя дела? Как Джейн? Пришла в себя?

– Нет пока. Её «Краб» я пока не открывал, он стоит в шлюзовой камере. У меня есть кое-какие соображения. Нужна твоя помощь.

– Ты что, рехнулся?! Девчонка без сознания, а ты спокойно наблюдаешь за ней со стороны! Вынимай её быстрее!

– Да не ори ты, лучше плыви сюда, да сам посмотри.

– Знаешь, что я тебе скажу, Шерлок Холмс: иди ты к чёрту! – рявкнул Робин, но потом, подумав мгновение, добавил: «– Подожди, сейчас приплыву».

Он добрался до раздевалки, надел свой аварийный костюм и задрал люки. Ожидая, когда перепад давлений станет ноль, он попытался предположить, что могло смутить Джона. Сегодняшний день подарил столько неожиданностей, начиная с бешеного сигнала первой категории, что сейчас он не удивился бы, если увидел самого господ Бога. Робин возник около люка. Джон находился в самом углу, под потолком, притянув себя ремнями, с усталым видом глядя на «Краба» Джейн. Джейн сидела в кресле вездехода под стеклянным колпаком защитного панциря и, было видно, что в сознание она не приходила. Правая рука была без защитной перчатки и беспомощно висела, левая – тоже без перчатки – лежала на животе. Её скафандр был надет наполовину, до пояса, а молния комбинезона была расстёгнута до пупа. Обнаженное тело было фантастически прекрасно. Но Робин оценить этого не мог. Вздохма-

ченные волосы при тусклом свете дежурного освещения казались черными, распластавшиеся по всей спинке сидения. Рот Джейн замер в легкой улыбке, глаза были чуть приоткрыты.

– Ну и что же тебя смущает? – шёпотом спросил Робин, словно их могла слышать Джейн.

– Да то, что под колпаком давление в полтора раза превышает давление саморской атмосферы, к тому же там – почти чистый кислород. Дыхание у неё в норме, пульс тоже.

– Как ты пульс считал, фельдшер? – с иронией спросил Робин.

– Я для этого дела приспособил лазерный измеритель.

– Это ж надо, – усмехнулся Робин, которому и в голову бы не пришло регистрировать пульс по незаметному на глаз вздрагиванию кожи у сонной артерии.

– Я тебя позвал вот зачем. Посмотри внимательно на ходули краба. Ты что-нибудь видишь?

– Нет. А что я должен видеть?

– Когда «Краб» зашёл, мне сразу бросилось в глаза лёгкое розовое свечение, которое шло от ходуль. И что самое интересное, приборы на него не реагируют. Это свечение видит только человеческий глаз. Сейчас свечение уже меньше, но ещё заметно. Выключи свет, может, увидишь.

Робин щелкнул выключателем. Загадочные языки плясали на концах ходулей «Краба». Эти розовые сполохи переходили в голубое облако света, которое окутало весь вездеход. «Краб» словно освещался изнутри. Но все его системы были отключены. Голубой цвет концентрировался на теле Джейн, и в этой фантастической картине она казалась божеством.

Задумчивость Робина нарушил Джон:

– С самого начала я веду запись на видеомэгнитофон, но мне кажется, зря. Судя по всему, теледатчики реагируют на простое свечение, и не более, хотя у них чувствительность огромная. Пора её вынимать, а?

– Да, пора. Молодец, что позвал. Скоро пристыковка, торопись всё сделать до манёвров.

Робин отправился в обратный путь. Непривычная после долгого перерыва невесомость давала о себе знать. Голову слегка кружило, тело чувствовало не очень приятную легкость. Эта лёгкость мешала, движения были чересчур сильные и неуклюжие. Предварительно не закрепленные предметы висели в воздухе, загадочно вращаясь, создавая сюрреалистические пейзажи. Можно было видеть дневник дежурного и невымытый стакан, фломастер и образец породы, записки и пассатижи, куски провода и засохшие листья цветов. Робину в глаз прилетела пробка от бутылки... Все пять роботов, которые имели свои собственные имена, неподвижно стояли в специально отведённых нишах на время старта корабля. Они, как послушные дворняжки, повернули в его сторону рупоры своих микрофонов и телеприёмники объёмной ориентации. Проплывая мимо, Робин затормозил, ухватившись за первый попавшийся выступ, и сказал:

– Марс, Дик, Хват, Джин, Руна! Слушайте мою команду: хватит сачковать, выходите и наводите порядок. Если будут попадаться вещи, которые не знаете куда девать – складывайте в отдельный мешок, я потом разберу. И не забудьте пропылесосить воздух, пока не будет обеспечена требуемая прозрачность. Всё.

Вся грязь, которая была незаметна за счёт притяжения, теперь висела густым туманом, попадая в рот и нос, забивая глаза. На зубах хрустел песок. Пришлось одеть респиратор.

«Чёрт знает что. Вот итоги такого молниеносного старта. Улетали, как крысы с тонущего корабля. Слава Богу, что хоть никого не забыли. А вообще-то мало верится, что капитан включил аппаратуру для проверки корабля за три часа до старта, как это требует инструкция. Но с другой стороны, Эпокап ничего не говорил, не делал никаких замечаний. Ведь иначе бы он не разрешил старт. Но, если судить по начальной температуре плазмы в основном дви-

гателе, то разогрев двигателя шёл самое большое, минут пятьдесят», – с такими мыслями Робин заплыл в рубку.

Через несколько минут после возвращения один из вспомогательных терминалов на мгновение потух, а потом засветился голубым цветом, и резиновый голос Эпокапа медленно произнёс: «Внимание! Внимание! Сейчас будет говорить капитан». На экране появилось изображение капитана.

По выражению его лица нельзя было ничего прочесть. Капитан был спокоен, как полная Луна. Он был самый немногословный из числа всех участников экипажа. Смит Филд любил лаконичность в разговоре. Это был коренастый мужчина в возрасте тридцати пяти лет, с короткой стрижкой тёмно-русых волос, и такой же короткой густой тёмной бородой. Мгновение помедлив, Смит Филд спросил:

– Как вышли на орбиту? Были ли какие-нибудь ЧП?

– Взлетели нормально, особых ЧП не было, за исключением плохого самочувствия Джейн. Но ей уже лучше. Подробности изложу после.

– Я хочу предупредить, чтобы Джейн не пугалась. Видимо, ещё до стыковки, на Саморе произойдёт взрыв. Мощный. Так что обеспечить электромагнитную защиту Эпокапа и всей вычислительной системы, иначе будешь пристыковываться вручную. Всё. Конец связи.

– Вас понял. Конец связи.

Робин сидел в кресле, поуютнее устроившись и притянув себя в ложе кресла с помощью магнитных присосок.

– Джин и Хват, ко мне! – командирским голосом крикнул Робин, – достаньте магнитные чехлы и накройте ими корпуса вычислительных машин. Работайте быстро.

После этого он чуть развернул кресло, чтобы лучше видеть круг иллюминатора, за которым проплывала поверхность Саморы.

Взрыв

Джон осторожно открыл колпак, стараясь работать как можно аккуратнее, чтобы не потревожить Джейн. Приподняв её руку, он первым делом застегнул молнию комбинезона. Джон до сих пор чувствовал волнение в груди, оно не проходило с той самой минуты, когда Джейн не вышла на связь.

...Сигнал первой категории застал Джона и Дэнила в тот самый момент, когда они размечали контуры будущего космодрома. В этой ситуации Джону было проще, потому что рядом был опытный наставник, Добрый дядюшка Дэнил. Он бороздил просторы Вселенной без малого тридцать лет, впервые сев в кресло астронавта десятилетним мальчишкой. Поэтому основные трудности у Джона начались, как он считал, с пропажей Джейн...

И теперь, когда все передраги казались позади, на душе немного полегчало. Он думал только о самочувствии Джейн. Раньше Джейн была для него членом их дружного экипажа, молодая и симпатичная, весёлая и понимающая шутки. После какой-то невидимой черты, которую Джон даже не заметил, он понял, что любит Джейн. Это открытие в самом себе испугало Джона. Он не знал, как теперь себя вести: по-старому было неприятно, а вести себя как-то по-другому и стыдно, и боязно, а главное – неизвестно как. Джон, издавна занимающийся аутотренингом, свободно давил в себе внешнее волнение, оставляя всё внутри. Пожалуй, только Джейн замечала более чуткое и ласковое отношение к ней со стороны Джона, но она в этом не видела ничего удивительного.

Джон пытался представить ту картину, которая могла произойти там, на Саморе. В голову лезли сказочные феи, злые волшебники и черти на летающей сковороде. Джон отдавал себе отчёт в том, что это – результат его необузданной фантазии, и не более. Но ничего другого в голову не шло. В сотый раз он вспоминал сегодняшнее утро, вспоминая фразы

Джейн, её улыбку, жесты. Это утро ничем не отличалось от других. Как всегда, завтракали примерно в десять часов, через три часа после подъёма. Завтрак Джейн подавала вовремя. Это было настоящее чудо кулинарии: ароматно и очень вкусно. После все разошлись по своим рабочим местам. И, наконец, примерно в час дня, а, как потом точно установил Джон, в тринадцать ноль семь, раздался сигнал первой категории.

Очнувшись от раздумий, Джон осторожно прижал к себе Джейн и стал медленно пробираться к каюте. Подплыв к люку, он заметил странную вещь: спускаемый аппарат разворачивался соплами в сторону Саморы, что было совсем необъяснимо. Джон уложил девушку в постель, закрепив её с помощью магнитных держателей, вызвал робота Руну, а сам поспешил в капитанскую рубку. Ему хотелось узнать о последних новостях, заставивших предпринять такой маневр. Когда он заплыл в рубку, Робин дремал в кресле.

– Эй, хватит спать. Кстати, я с утра ничего не ел, как ты смотришь на то, чтобы перекусить, так сказать, потрапезничать в спокойной обстановке? И ещё: объясни этот непонятный маневр, словно наш аппарат опять собирается припланечиваться.

– Насчёт ужина ты мыслишь правильно. За это время получена интересная информация. Чем и вызван маневр. Но прежде два вопроса к тебе: первый, как чувствует себя Джейн, и второй, расскажи подробнее о ребятах из космических войск в замаскированных скафандрах.

Этим временем Джон вызвал по рации своего помощника, робота Джина, и приказал ему принести две порции ужина.

– Опять космический рацион, – скривился в кислой гримасе Джон, – Да ничего не поделаешь, придется терпеть. Пока Джин там копается, начнем. Сначала о Джейн. Она лежит в каюте номер два, около неё дежурит Руна. Замену чистого кислорода на атмосферу корабля она перенесла легко, словно ничего особенного не было. Откуда взялся под колпаком чистый кислород, да ещё с повышенным давлением, я не знаю, как не знаю всего остального.

Тут вошёл робот Джин, прилипая к полу с помощью магнитов, неся в своих механических руках прозрачный шар, внутри которого были тюбики с едой. На время разговор был прерван. Робин и Джон смело взялись за уничтожение тертых яблок, картофельного пюре с тертым мясом. Разворачивая бутерброд, а в другой руке держа герметичный термос с чаем, Джон продолжал:

– А насчёт этих парней всё просто. Кстати, давно уже пора надеть магнитные ботинки, а то летаем, как мухи недобитые. Роботы умнее нас. Так вот, насчёт парней. Дня четыре назад, как тебе известно, я производил разведку местности. По заданию мне надо было пройти на восток на тридцать километров, чтобы поточнее определить границы амирской территории. В тот день я встал пораньше, взял запасной аккумулятор для «Краба», и двинулся в путь. Для выполнения задания мне вполне хватило бы полдня. Но мне хотелось углубиться как можно дальше на восток. Ты ведь знаешь мою слабость к путешествиям. Определив будущую границу, в половине десятого я двинулся дальше. Примерно в пятидесяти километрах начинаются горы, высота некоторых перевалов, через которые мне пришлось перебраться, превышала шесть тысяч метров по отношению к нулевой отметке. Мой «Краб» прыгал так, что ему могли бы позавидовать горные козлы. Он был идеально отрегулирован, смазан и проверен, поэтому я легко преодолел пропасти и перевалы. Слава богу, что эта гряда тянется с юга на север, и в поперечине длится всего двадцать километров. Недаром горы названы Андами. После Анд тянется Пустыня Камней, это название лучше всего соответствует действительности. И представь моё удивление, когда я впереди увидел, что ко мне движется огромный «Краб». На десяти ходулях, вместимостью двенадцать человек. Признаться, в первый момент я перепугался, а потом подумал, что это даже здорово, что кого-то могу встретить. Мысль об инопланетянах мне в голову не пришла, и я был уверен, что это – руссane. Их «Краб» сильно хромал, и когда я приблизился к ним, то он остановился,

из него вышли люди в скафандрах, очень похожих на наши. Это оказались амирские парни, хотя у них не было ни одного опознавательного знака. Я с ними разговаривал. Это представители наших доблестных космических войск, и, судя по разговору, они были либо пьяные, либо обкуренные наркотиками. Не удивительно, что через пять минут я знал их место расположения, знал, что их примерно две сотни, и что они монтируют какую-то установку, но какую, они даже в пьяном виде отказались говорить. Я им в двух словах рассказал о нашей экспедиции, и один из парней, судя по разговору, старший, сказал, что у нас общее дело. Пока мы болтали, четверо механиков ремонтировали «Краба». Отремонтировав, они затопились в обратный путь, сказав, что за сорок километров отсюда их ждёт реактолёт. На вопрос, что они ищут, они ответили, что ищут урановую руду. Больше ничего я не успел узнать. Я поспешил домой, чтобы вернуться до темноты. Вот так и закончилось моё путешествие. Естественно, я никому ничего не сказал. А теперь ты выкладывай информацию.

Робин в задумчивости дожёвывал остатки бутерброда, машинально ловя кружившие около него крошки. Когда Джон закончил рассказ, Робин поднял на него свой взгляд и произнёс, задумчиво перебрасывая из руки в руку пустой термос:

– Интересно, что скажет по этому поводу капитан, и скажет ли вообще что-либо. А моя информация простая: твои парни с минуты на минуту должны взлететь, без всяких средств. Эту информацию дал капитан полчаса назад, и теперь мне понятно, почему мы с такой поспешностью сматывали удочки. Если собрать всё вместе, то получается, что Самора либо разлетится на куски, либо сойдёт с орбиты. Теперь осталось выяснить, какое отношение ко всему происходящему имеет Джейн. Я надеюсь, у неё не будет от нас секретов, как ты думаешь?

Джон молчал. Судя по его расширенным зрачкам, он ещё не разучился переживать. Его взгляд был обращён в сторону Саморы, которая спокойно жила свои последние минуты, не о чём не подозревая.

– Жалко парней. Мы сильно пострадаем? – голос Джона не предвещал ничего хорошего.

– Нам ничего не грозит. Машины защищены от электромагнитного импульса, а наш аппарат находится достаточно далеко от Саморы. Парень, мне не нравится твой внешний вид. Входи в норму, а то капитан этого не любит, ты сам знаешь.

– Я в норме. Просто не вылетает из головы та фраза.

Робин понял, что он всё-таки что-то упустил.

– Какая?

– Насчёт того, что мы – свои парни. Из их слов следует, что мы тоже участвовали каким-то образом в этом замаскированном спектакле. Идя от дедукции к индукции и наоборот, получается, что у нас были одни и те же цели. По крайней мере, тебе известно точное назначение всех тех корпусов, которые мы возводили больше года? Мне – неизвестно.

Воцарилось молчание. Парни думали о своём, потягивая из термосов крепкий чай, который принес им Джин во второй раз. Внезапно лица озарились ослепительным ярким светом. Робин молниеносным движением дотянулся до кнопки терминала и включил светофильтр. Но излучение было такое сильное, что оно жгло лицо даже через него. Не было никакой возможности смотреть на этот свет. Робин достал пару светозащитных очков, протянув одни Джону. Теперь можно было наблюдать за взрывом. Яркий шар, по размеру меньше самой Саморы раза в полтора, продолжал медленно расти, прилипнув, словно пиявка, к западному боку планеты. Вскоре его рост прекратился и, примерно через минуту, шар медленно, словно нехотя, отделился от поверхности, устремляясь вверх, в космос. За это время в рубке пять раз тухло освещение, срабатывали защиты, шесть раз пропадало изображение со всех трёх экранов терминалов. Но через секунды восстанавливалось. Чувствовалось, что Эпокап не на шутку встревожен происходящим. Натружено работали все системы охла-

ждения, забирая значительную часть электроэнергии, что было заметно по пониженному свечению ламп. Солнечные внешние электробатареи вышли из строя. Тем временем огненный шар, отделившись от Саморы, повис, перестав двигаться, на расстоянии примерно в полдиаметра Саморы от её поверхности, постепенно остывая. А на самой планете бушевал ад. Со всех сторон в направлении взрыва тянулись хорошо видимые мощные потоки хилой саморской атмосферы, перемешанные с пылью, кусками породы, камнями и булыжниками. В месте взрыва зияла огромная дыра, ведущая в недра планеты, а от неё, во все стороны, словно длинные лапы паука, тянулись частые изломы. Самора выдержала этот чудовищный удар, не разлетелась на куски. Но всё-таки треснула. Минуты через три, словно кровь, из трещин потекла красно-бурая раскаленная магма, встревоженная из потаённых недр планеты. Это наблюдение прервал оглушительный рев сирены, и секундой позже Эпокап произнёс, что на пути корабля находится препятствие в виде большого шара раскаленного вещества, и что надо менять траекторию. Так же он сообщил, что на раздумье даётся одна минута. По истечении этого срока Эпокап сам изменит траекторию корабля. Робин ответил, что разрешает менять траекторию немедленно. Изображение в иллюминаторе медленно поползло в бок. Исчезла лопнувшая Самора, осталось изображение шара, который теперь походил на самое настоящее солнце. Робин дал задание Эпокапу, чтоб тот оценил мощность взрыва и дал примерные данные на будущее. Через две минуты Эпокап ответил, что мощность взрыва составляет полтриллиона тонн эквивалента, а шар перейдёт на излучение в инфракрасном спектре через два часа, то есть через два часа он потухнет, но ещё долго будет греть, словно раскаленная печь.

– Н-да, слабо, – плоско пошутил Джон, – На Тенле можно шарахнуть раз в пять сильнее, мощности хватит. Вот был бы салют. За упокой души.

– Наша бедная матушка и такого взрыва не выдержала бы. Не забывай, что Самора в диаметре больше нашей планеты на тысячу километров, а это всё-таки существенно, – в задумчивости ответил Робин.

– Никогда в жизни не видел ядерного взрыва. Настоящего. Жутко.

– Думаешь, я видел? – усмехнулся Робин.

Они молча смотрели на ядерное облако, пораженные его силой. Их наблюдения из динамика связи прервал Дэнил:

– Эй, ребята, это что там за салют? Наверное, по случаю нашего отлёта? – как всегда, дядюшка Дэнил не унывал.

– Нет, наоборот. Это наш отлёт по случаю салюта, – парировал Джон, встрепенувшись и оживившись, услышав весёлый тон своего прямого начальника.

– Мы приносим свои извинения, что забыли Вас предупредить по случаю этого фейерверка, – начал было оправдываться Робин, но Дэнил его прервал:

– Ладно, я не много потерял. Вы лучше выкладывайте новости, а то я только что закончил проверки двигателя, которые не были сделаны в предстартовое время. Ведь его не было.

– Как вы определили?

– Робин, мальчик, не принимай меня за олуха. Я потому и числюсь главным механиком и электриком, что головой отвечаю за двигатель. Между прочим, этот охламон Джон отвечает тоже. Ты меня слышишь, разгильдяй?

– Конечно, дядюшка Дэнил. Но клянусь оторванным хвостом кометы, основную часть времени я провел около Джейн, пусть меня выбросят в открытый космос без скафандра, если я вру.

– Ладно, верю. Как она себя чувствует?

– Нормально. Кстати, мы приглашаем Вас на ужин.

– Хорошо, иду. Заодно всё и расскажете.

Пока Дэнил уплетал полагающийся ему ужин, Джон и Робин рассказали ему все, за исключением розового свечения ходулей Краба Джейн. Дэнил слушал, быстро работая челюстями и не пропуская ни одного слова.

Никто из них не знал, да и не мог знать, что с самого старта корабля, ни на секунду не отставая, за ними следовало прозрачное голубое облако, светящееся по краям еле заметным розовым свечением...

Фаер

– Бешеный денёк сегодня выдался. Как Вам понравился сигнал первой категории? Мне – очень, – с явным сарказмом произнёс Робин, обращаясь к Дэнилу и Джону.

– Нам было проще, нас было двое, – коротко и сухо ответил Джон, не желая поддерживать разговор. Он о чём-то напряженно думал, уставившись туманным взглядом на командирский пульт.

Паузу прервал Робин:

– Пора по рабочим местам. Основной корабль изменил траекторию, уже произведён взаимозахват, мы идем на сближение и минут через десять будем состыковываться. Джон, займи штурманский пульт, а Вас, дядюшка Дэнил, попросим занять место в машинном отделении.

– Слушаюсь, начальник.

Вскоре на левом экране появилось изображение основного корабля. Сейчас он казался каким-то фантастическим, освещённый с одной стороны ярким светом настоящего солнца, а с другой стороны – малиновым светом остывающего ядра. Тёмно-фиолетовые крылья солнечных батарей были собраны в гармошку. Это означало, что корабль скоро начнет делать маневр в поперечной плоскости. Вскоре заработали боковые сопла маневрирующих двигателей, выбрасывая в пространство языки синего пламени, и корабль медленно стал поворачиваться, оголяя своё брюхо с растопыренными штангами захвата спускаемого аппарата и раскрытыми чехлами переходных шлюзов.

Издали «Фаер» казался игрушечным космическим городком с ярко-оранжевым шпилем спускаемого аппарата. Сложенные крылья диафрагмового типа придавали спускаемому аппарату вид стрелы. Издали, на фоне громадного корпуса «Фаера», трудно было определить в нем десятиместный самолёт с плавной регулировкой геометрии крыла, с мощными двигателями, способными вывести его на орбиту практически с любого аэродрома. Этот самолёт хвостовой частью примыкал к Главной рубке, с которой фактически и начинался сам «Фаер». Четыре иллюминатора, каждый из которых в диаметре больше метра, давали хороший круговой обзор. Внутри рубки было три просторных кресла с командными пультами управления и контроля. Далее через капитанскую рубку можно было попасть в оранжерею, в которой хозяйничала Джейн, ухаживая за плантациями. Овощи и фрукты, которые не могли нормально развиваться, и расти в невесомости, выращивались в центрифугах. Виноград и киви после пятилетних опытов научились жить в «простом» космосе, и Джейн их развела на всем корабле, создавая теплый уют. Возиться с растениями было её хобби, и все свободное время Джейн пропадала в оранжерее вместе с Руной. Журналисты, которым два года назад разрешили посетить «Фаер», окрестили эту оранжерею Елисейскими садами, а Джейн – Лесной Феей. Это название так и осталось. По своей форме оранжерея представляла собой полусферу, сверху которой была капитанская рубка. В основании оранжерея была двадцать пять метров в диаметре и высотой десять метров. Елисейские сады купались в знойных космических лучах солнца, так как обшивка этого отсека состояла из кварцевого стекла со специальным защитным покрытием от смертельной радиации. Из капитанской рубки по центру корабля проходила шахта лифта, которая шла далее вниз, кончаясь в самом низу,

в машинном отделении основного двигателя. Далее Елисейские сады переходили в корпус корабля, имеющий девять этажей, а точнее сказать, девять поперечных служебных отсеков. Двигатель, вместе с топливными баками и ядерным складом, по своим размерам равнялся всей остальной части корабля, занимая дополнительно ещё четыре этажа для мастерских, складских и специализированных подсобных помещений.

Внешне «Фаер» был обвешан скромно. Кроме двух спускаемых аппаратов, примыкающих к толстому брюху корабля с двух сторон между широкими лопухами солнечных батарей, да трёх огромных запасных резервуаров с кислородом, больше ничего не бросалось в глаза. Все остальные соединительные шланги, поручни, скобы и специальные мачты были незаметны на огромном корпусе корабля.

Робин лишь второй раз в жизни участвовал в пристыковке, волнуясь так же, как и в первый раз. Спускаемый аппарат сделал манёвр, развернувшись и повернув к «Фаеру» свой бок, входя в объятия захватывающих штанг. «Фаер» становился всё больше и больше. Резиновый голос Эпокапа сообщил, что расстояние до корабля составляет пятьдесят метров. Робин обратил внимание, что на корабле потушен свет, светились лишь иллюминаторы капитанской рубки.

«Видимо, капитан тоже был захвачен врасплох», – подумал Робин.

Сстыковка прошла нормально, взрыв никак не повлиял на работоспособность систем. К Робину в рубку зашёл Джон, по примеру роботов надевший магнитные ботинки, которые он называл тапочками.

– Ну, вот и я в тапочках, не то, что некоторые, – при этих словах он презрительно посмотрел на Робина, который, по его понятиям, был теперь привидением, парившим в воздухе вне командирского кресла. Робин с лёгкой улыбкой, в которой был вопрос «Как бы от тебя отвязаться?», произнёс:

– Парень, а ты охамел. Кругом напряжение и тревога, шар ещё не потух, а ты радуешься, как последний осёл. Не стыдно?

– Я радуюсь, что после годового перерыва мы опять на «Фаере», это же здорово. Между прочим, за всё время работы в «Космических экспедициях» раньше мы никогда не покидали на такой продолжительный срок головной корабль. Даже когда спускались на Тенлю в отпуск.

– Ты прав.

В этот самый момент за бортом с легким шелестом сработали защелки блокирующих карабинов, аппарат слегка качнуло и Эпокап произнёс:

– Сстыковка осуществлена в соответствии с рабочим протоколом.

– Приступай к отключению бортовой аппаратуры и переходи в ждущий режим. Всё. Конец работы.

Робин сразу пошёл на встречу к капитану. Дэнил поспешил к своему детищу – двигателю, а Джон направился к Джейн, чтобы унести её в родную каюту, в её маленький дом. Каюту Джейн находилась на первом этаже под Елисейскими садами. Нумерация этажей шла от капитанской рубки, сверху вниз.

Отнеся Джейн и наказав Руне не спускать с неё глаз, то есть теледатчиков, Джон спустился вниз и занял пульт управления пускового двигателя. Примагнитившись к креслу, он включил тумблер пульта. Замигали глазки индикаторов и засветился экран цветного монитора, высвечивающий весь двигатель в разрезе, с мультипликационным изображением его работы и связей всех его частей. Покосившись в угол каюты, Джон увидел своего робота Джина, который, зарегистрировав, что на него смотрит его хозяин, тут же наострил свои локаторы ушей. Подмигнув ему, что означало «все в порядке», Джон приступил к контролю запуска систем двигателя. Корабль разворачивался носом к Тенле, готовясь к предстоящему старту.

Еле заметное голубое пламя, на краях переходящее в нежно-розовый цвет, некоторое время висело около корабля, обследовав его со всех сторон, потом незаметно, без всяких препятствий просочилось в сам корабль, облюбовав Елисейские сады, поближе к капитанской рубке....

Через четыре часа, ровно в ноль часов по тенному времени, двадцать пятого апреля, «Фаер» произвел старт в обычном порядке, не нарушив ни одного графика предстартовых проверок.

Голубое облако дремало на жестких листьях и одеревеневших стеблях винограда и киви, разросшихся в Елисейских садах, ставшей невидимым в ослепительных лучах яркого солнца....

Экипаж спал после этого трудного дня, с которого и начались описываемые события, происшедшие с легендарной пятеркой в последующие месяцы, расположившись во вновь обжитых своих каютах, в которых было прожито уже не одна тысяча космических дней и ночей. Ровно в час включился основной двигатель, автоматически. Спавшие как убитые астронавты не почувствовали тяжести своего тела, когда «Фаер» стал набирать скорость. Ускорение возросло в шесть раз, достигнув величины в пол-Жэ. Десятидневный полет к колыбели Жизни начался успешно....

Джон и Джейн

Рабочий день двадцать пятого апреля начался ровно в шесть часов утра. Первой проснулась Джейн. Она долго лежала, вспоминая, как она могла здесь оказаться, в своей каюте «Фаера». Но вспомнить так и не смогла. Наконец она заметила Руну, которая следила за ней, ожидая приказаний.

– Руночка, расскажи мне, как я здесь оказалась, и куда мы летим.

– Вас сюда принес Джон, Вы были без сознания с той самой минуты, как Вас доставил Ваш Краб с места работы. Взлет обусловлен сильным взрывом, происшедшем на Саморе двадцать пять часов назад. Шесть часов назад произведён старт корабля, направление движения не известно, – произнесла Руна.

От своих братьев она отличалась женским именем, более мягким и нежным тембром голоса и более мягким и светлым синтетическим покрытием своих рук-манипуляторов. Ведь она была помощницей женщины, повара и врача, работая в качестве и санитарки, и кухонной прислуги.

– Спасибо, крошка, – ответила Джейн, уставившись в пол и пытаясь вспомнить события прошедшего дня. Она не заметила, что невольно назвала свою искусственную подругу так, как её саму звали участники экспедиции. В таком раздумье она сидела долго. Память восстановилась быстро, Джейн помнила слово в слово все пророческие слова, которые ей сказал старичок с белоснежной бородой и такими же белоснежными волосами, самый настоящий мудрец из сказок прошлого тысячелетия. Она до сих пор не могла понять, каким же способом он там очутился, хотя на её глазах он после медленно растворился, превратившись в ослепительно чистое лазурное облако. Джейн очнулась от своих раздумий, заметив мигающий светодиод на лбу Руны, что означало, что с ней кто-то связался по радиосети.

– С кем это ты секретничаешь, предательница? – спросила она у робота.

– С Джоном, он интересуется Вашим самочувствием.

– Скажи ему, что я его приглашаю к себе, – Джейн сгорала от любопытства узнать все подробности, – Принеси две чашечки кофе и бутерброды, я проголодалась.

Руна ушла. И только сейчас Джейн вспомнила о взрыве, из-за которого в данное время «Фаер» держал курс в неизвестном направлении. Она спрыгнула с кровати и прилипла к иллюминатору, пытаясь разглядеть Самору, которая была размером с яблоко, незаметно ста-

новясь все меньше и меньше. Джейн вскрикнула, не узнав планету. Обычно светло-коричневая, без облаков, с легкой синевой скудной атмосферы, Самора теперь была грязно-оранжевого цвета от поднятой вверх саморской пыли, окутавшей всю планету плотной завесой. Планета погибла, не успев ожить.

Насколько было известно Джейн, три месяца назад на последнем Конгрессе по проблемам космоса руководство «Сорока» вынесло предложение об оживлении этой планеты. Они предлагали осуществить управляемые извержения вулканов на её поверхности для создания атмосферы, а после с помощью плантаций водорослей создать кислородную атмосферу, очистив газы. Самору хотели сделать курортной планетой, свободной от военных баз, утопающей в диковинных лесах, которыми предлагалось засадить всю поверхность. По проекту хотели доставить всевозможных животных с Тенли. Подземная Самора, по данным руссанских учёных, была очень богата минеральными водами. Тринадцать лет назад, самыми первыми, сюда добрались руссаны, опередив амирцев. Они-то и провели детальные исследования всей планеты. Фактически, это была инициатива руссан, которой теперь уже не дано было свершиться.

Джейн, вспоминая жизнь на Саморе, заплакала, как маленький ребёнок, у которой отобрали мячик. Но у этой девушки отобрали чуть больше – планету, к которой она привыкла, сжилась с ней, забыв ужасные дни. Но глядя на мёртвую планету, она поняла, что космос – это та же жизнь людей, тех же самых, которые живут на Тенле... Стало невыносимо грустно...

Джейн вздрогнула, услышав стук в дверь. Дверь-люк открылась, и она увидела улыбающегося Джона, который при виде слёз подскочил к Джейн.

– В чём дело, крошка?!

– Всё нормально, всё уже позади. Чья это работа? – кивком головы она показала в сторону Саморы.

– Я сам толком ничего не знаю, но если говорить по большому счёту, то это – наша работа.

И без того большие тёмно-голубые глаза Джейн при этих словах ещё сильнее расширились от ужаса. Джон понял, что ему не следовало говорить так.

– Объясни, что ты этим хочешь сказать.

– Джейн, милая крошка, я умоляю тебя, успокойся, я загнул, дело обстоит чуть не так, я тебе сейчас все объясню, только успокойся.

Он выложил всё, начиная со своего круиза и кончая разговором с Робинотом.

– Вот так, теперь ты знаешь всё, что известно мне и Робину. Какой-то информацией обладает капитан и сама ты. Чтобы всё связать в один красивый узор, нужно понять, прежде всего, что произошло с тобой. Я надеюсь, что ты нам приоткроешь глаза на те события, которые произошли за два часа до старта.

Джон видел, что девушка за время рассказа успокоилась и теперь внимательно слушала его. Он попросил её рассказать о том, что произошло с ней за несколько часов до старта. Но при этих словах Джейн, сидевшая на краю кровати, встала и подошла к иллюминатору, о чём-то задумавшись. Джон понял, что сказал что-то лишнее.

– Джон, я и раньше хотела поговорить с тобой. Тем более, сейчас такой случай.

Джейн замолчала, подбирая слова.

– Я не знаю, с чего начать.

Опять наступила пауза. И вдруг, сама от себя не ожидая, глядя прямо в глаза Джону, она спросила:

– Джон, ты меня не придашь? Можно тебе верить?

Джон понял, что в эту минуту нет смысла что-то утаивать, и, облизав пересохшие от волнения губы, он ответил:

– Я люблю тебя, Джейн. Ради тебя я могу пойти и в огонь и в воду.

– Ого... Не много ли для простой девушки? – спросила удивлённая Джейн, не ожидавшая услышать такой ответ.

– Нет, не много.

Джон подошёл к Джейн, какое-то мгновение стоял в нерешительности, потом обнял её и нежно поцеловал в губы. В первое мгновение всем своим телом он ощущал, как Джейн пыталась вырваться из его объятий, но Джон был настойчив. У Джейн таяли силы и, наконец, она перестала сопротивляться, покорно опустив руки. Но это было лишь затишье перед бурей. Как только Джон выпустил её из своих объятий, в душе довольный победой, тут же получил оглушительную пощечину, отлетев в дальний угол каюты. Летел Джон исключительно эффектно, широко и красиво распластав в воздухе руки, словно пытаясь парить. Сейчас он весил всего сорок килограммов, чем и объяснялся такой «роскошный» полет. Глядя на эти порхания, Джейн залилась смехом.

– Ладно, Ромео, перестань, и без того пока интересно жить на белом свете, – то ли шутя, то ли серьёзно сказала она, – мы с тобой собрались говорить, а не целоваться. Пей лучше кофе, а то он окончательно остынет.

Джейн села на кровать, взглядом предлагая сесте Джону в кресло напротив, окутанное густыми мохнатыми ветками разросшегося винограда. Джон покорно сел, поставив рядом кофе и тарелку с бутербродом. Только Джейн открыла рот, чтобы начать разговор, раздался мелодичный звон зуммера связи.

– Алло, Джейн слушает.

– Доброе утро, крошка, – это был голос Робина.

– Привет, штурман.

– Капитан собирает всех на завтрак и заодно, как он сказал, надо обсудить кое-какие проблемы. Ты Джона случаем не видела, я его найти не могу?

– Видела и вижу. Мы с ним пьем кофе.

– Вот нахал! Все, конец связи.

Джон догадывался, что женщины почти всегда говорят правду, и ничего кроме правды, и старался подтвердить это лишний раз. Он в одно мгновение ока затолкал в рот бутерброд, взяв в другую руку чашку кофе. Когда Джейн глянула на него, то увидела парня, очень щекастого, который кое-как двигал челюстями, умудряясь при этом запивать кофе, испуганно глядя на Джейн. Сообразив, она рассмеялась, как ребёнок.

– Утро юмора. Нас ждёт капитан, придётся отложить. Я тебе хочу сказать, чтоб ты зря не ломал голову: я хорошо помню, что произошло со мной, но это не должны знать остальные, я тебе потом расскажу. Ты лучше пытайся понять других.

Несмотря на её воинственность и деловитость, в Джейн сильно было развито женское начало, основанное на элементарном понимании. Зная, что их ждут, Джейн все же села на кровать в ожидании, когда Джон прожует свой несчастный бутерброд, глядя на него с легкой улыбкой. Она встала, когда он допил кофе. При выходе из каюты Джон преградил ей путь, нежно обняв за талию. Джейн его не отталкивала, но когда подняла на него глаза, в них была видна тень волнения и страха.

– Джейн, милая, ты не обижаешься на меня?

В ответ молчание, потом Джон помнил только её синие, а может, тёмно-голубые глаза, загадочные и глубокие, в которых не грех было утонуть....

Завтрак

Джон вошёл в столовую, там уже сидели капитан Смит, штурман Робин и главный механик Дэнил. Тем временем Джейн побежала на кухню, где по своей инициативе работала

Руна. Встретившись с капитаном взглядом, Джон приветствовал его легкой улыбкой, на что капитан тоже улыбнулся. Это была одна из странных традиций «Фаера» – не здороваться друг с другом при встрече на завтраке. Но объяснялось это просто: астронавты не любят телячьих нежностей, хотя и непонятно, почему элементарное приветствие «здравствуйте» считалось нежностью.

Вскоре появилась Джейн, а за ней и Руна с подносом. Завтракали молча и быстро, не нарушая традиций будничного космического дня. Но все члены экипажа чувствовали внутренне напряжение, которое передавалось по цепочке от одного к другому. Все ждали предстоящего разговора. Так уж повелось по неизвестным причинам, начиная с появления человека на Тенле, что правду бояться за её прямоту и чистоту. Но она всегда одна.

– Руна, убери посуду и помой пол в капитанской рубке.

Капитан не хотел свидетелей...

«Фаер», ни на мгновение не снижая тяги двигателя, под чутким наблюдением Эпокапа держал курс к родной Тенле, постоянно набирая скорость с ускорением пять метров в секунду. По понятиям космоса, он висел на одном месте, ведь даже луч света считается черепахой во вселенной, который может миллионы лет стремительно мчаться и не встретить ничего существенного на своём пути. Но по своим меркам «Фаер» мчался к Тенле с фантастической скоростью, являясь непобитым рекордсменом, стараясь как можно скорее достичь скорости в полмиллиона километров в час. Великое солнце, загадочные и далекие звёзды, суматошные астероиды, длиннохвостые кометы, могущественные квазары, коварные черные дыры – казалось, что всё замерло на месте, не замечая стараний корабля. Пожалуй, его замечали лишь блуждающие электроны, протоны, всевозможные куски и осколки молекул неизвестного происхождения, мезоны и кварки, ядра и нейтроны, когда, столкнувшись с такой громадиной, они либо становились его частью, либо, получив мощный импульс, отскакивали восвояси по всем законам физики. А «Фаер» не замечал ничего, кроме Тенли...

Капитан внешне был спокоен и нельзя было сказать, волнуется ли он. С минуту он молчал, стараясь подобрать слова как можно точнее.

– Я прочитал отчёт Робина о ходе проведения старта. Для Тенли очень много.

Это означало, что подробный отчёт, по сути, был составлен для капитана, а под словом «Тенля» подразумевалось назойливое и противное в своём недоверии начальство. Капитан продолжал:

– Лишнее сотрется. Джейн, если ты не в курсе тех событий, когда ты спала, можешь с ним ознакомиться. Но собрал я вас на этот разговор по другим причинам. Первое. Я должен вам сообщить то, что вы не знаете. Насколько вам известно, фирма «Космические экспедиции» – полувоенная организация, большей частью работающая на нужды генералов. Но определить истинные цели экспедиций не могу даже я. Наша экспедиция всем казалась исключительно мирной, предполагая строительство города Будущего, оживление и освоение планеты. Но первые сомнения на этот счёт у меня появились сразу после старта, когда я узнал, что наша пресса молчит по этому поводу. Хотя материал для сенсации был превосходный. Месяц назад, находясь на корабле, я зафиксировал приближение большого транспортного корабля, который действительно встал на околопланетную орбиту, и к моёму удивлению, после трёх витков начал снижение и сел на Самору. Эта махина села сюда на неизвестное время, потому что взлететь самостоятельно не могла. Местоположение вы знаете. От капитана этой махины при личной встрече я узнал то, что вы уже знаете. Двумстам парням космического дивизиона предстояло возвести мощную лазерную пушку с ядерной накачкой, с помощью которой можно было бы жечь Тенлю. И это не было бы самоуничтожением, потому что мы с вами строили первую очередь военного городка и городка строителей, которые должны были в очень короткие сроки возвести четыре города. Амирцы, оттягивая на Всемирном конгрессе решение вопроса об оживлении Саморы, нелегально сами хотели

единолично захватить всю планету в свои руки, сделать здесь единое государство, эвакуировать только лучших людей Амирии и трудолюбивых и талантливых рабочих, создав идеальную структуру государства. После этого можно было и диктовать любые условия Тенле под угрозой её полного уничтожения путем сожжения. Я не знаю, какие последствия после взрыва будут на этой планете, но я своей шкурой чувствую, что и нам не поздоровится на Тенле после возвращения. Видимо, там сейчас огромный скандал международного значения, хотя истинных целей, думаю, мир не узнает. Мы – единственные свидетели этого случая. Нужно быть готовым ко всему. Я приношу извинения, что скрыл это от вас, но после долгих раздумий я счёл нужным не говорить вам об этом, все равно ничего не изменилось бы. А испортить этой информацией нашу теплую атмосферу я мог. И я решил молчать, все равно через два месяца должен был прилететь большой космический лайнер, «Спайдер», последняя модель фирмы «Специальное оборудование». По сообщениям Тенли, там заканчивались последние испытания и через три недели с небольшим он должен был стартовать к Саморе с тремя сотнями строителей, тысячей роботов и десятью контейнерами оборудования и строительными машинами. Разгружать его предполагалось две недели, непрерывно, что говорит о размерах корабля и о спешности строительства. Таких рейсов предполагалось делать много, но сколько, мне не известно.

– Капитан, какие причины взрыва?

– На корабле наших космических парней было всё оборудование для обогащения урана. Завод соорудили за три дня и стали готовить урановую руду для питания лазера, не откладывая. Но солдаты обкурились наркотиков и свалили уран в большую кучу, забыв поставить датчики. Началось расщепление. Самопроизвольно. Люди уже не могли туда подойти ни в каких скафандрах, а офицеры гнали и гнали солдат. Общая защита сработала, но уже было поздно. Компьютер сообщил, что фаза медленного расщепления кончится через два часа. Нам надо почтить памятью их командира, полковника Сэма Брауна, который не забыл про нас и сообщил мне о предстоящей катастрофе. Жутко прощаться с человеком за два часа до его смерти. Все два часа я говорил с ним, он умолял не выключать связь. Там бушевала паника, наркотики кололи и глотали все, даже те, кто раньше их вообще не применял. Только Сэм говорил со мной, стараясь держаться достойно, но это у него получалось с трудом. Как вам известно, взрыв был на два часа позже расчётного. Рано или поздно вы бы узнали эту правду и я хочу вас предупредить, чтобы на Тенле вы не делали ненужных ошибок. Если идти против воли магнатов, то уволят и спишут на Тенлю и выбросят за бор. Второе. Джейн, теперь твоя очередь пролить свет на события, которые произошли с тобой.

Джон глянул на Джейн, пытаясь понять, сможет ли она врать после такой исповедальной речи капитана. Впервые капитан говорил так много. Джейн сидела, рассеянно смотря в пол, и было непонятно, отходит ли она после услышанного, или думает, о своём. Сделав лёгкий вздох, она начала говорить, медленно и тихо:

– Утро было как обычно. До места работы добралась нормально. Приступила к работе, но вскоре почувствовала какую-то ломоту в суставах, решила пройтись, прогуляться. Больше ничего не помню. Проснулась у себя в каюте.

Джейн видела, как вытянулись лица астронавтов, услышав такой короткий рассказ. Джон, этот сообразительный весельчак с внешностью итальянца, тоже выражал всем своим видом огорчение, чтобы его не заподозрили и тем самым, не раскрыли Джейн. Джейн в душе восхищалась им, понимая, что она плохо знает Джона.

– Ну что ж, ладно, – продолжал капитан, – в таком случае я продолжу. Я хочу вам предложить один вариант для обдумывания. Сразу ответ не говорите, обдумайте всё хорошо. Насколько вы понимаете, на Тенлю нет смысла возвращаться. И я это вам говорю как людям, которых хорошо знаю. Примерно ясно, как Тенля отреагирует на этот взрыв, ведь мы – ненужные свидетели. Ситуация – между небом и Тенлём, но есть ещё космос и «Фаер».

Конечно, нас могут достать с помощью лазеров, но для этого нас сначала надо будет найти, а уж потом сжечь, причём незаметно. И то и другое сделать трудно. Вам ясно?

– Ясно, – хором ответили астронавты. Джейн промолчала.

– В таком случае все свободны. В одиннадцать часов двигатель перестанет разгонять корабль, «Фаер» перейдет в режим пассивного движения, всем приготовиться к невесомости. Все. У кого какие вопросы?

Все промолчали, а Джон спросил:

– Когда надо дать ответ, и в какой форме?

– Я пока не решил, а в двенадцать сеанс связи с Центром.

Все разошлись по своим местам.

Продолжение

Через два часа Джон, осмотрев с Дэнилом весь двигатель, пошёл к Джейн. Она была в своих садах.

– Привет, я уже освободился.

– Как раз вовремя, – ответила Джейн. Она оставила Руну работать одну, а сама, слегка оттолкнувшись от пола, подобно птице взмыла вверх, к зарослям винограда. Джон последовал за ней. Поудобнее устроившись, некоторое время они молчали. Джейн о чём-то думала, Джон изредка бросал на неё взгляд, понимая, что никак и ничем он не сможет ускорить их разговор. Наконец Джейн сделала глубокий вздох, и начала говорить.

– Я не знаю, с чего начать. Джон, то, что ты сейчас услышишь, не считай выдумкой или бредом. Я понимаю, что поверить мне будет трудно, но врать нет смысла.

– Джейн...

– Не перебивай, я и так сойбьюсь с мыслью. Мой отец был нумистом, он до последнего дня верил в лучшее, восхищая своей работоспособностью, отдавая людям все тепло своего сердца. Он жил так, словно боялся, что этот день последний в его жизни. Когда я была маленькой, не могла понять, зачем к нам ночью приходят какие-то незнакомые люди, сидят с отцом до утра, а на рассвете опять исчезают. Почему при мне они ничего не говорят, или говорят мало и шёпотом. Но помаленьку все стало проясняться. Однажды была забастовка на концерне «Супермоторс». Вечером отец пришёл не один, с ним было ещё шесть человек. Они все были избиты, у кого ссадины, у кого подтёки под глазами, у кого разбиты губы. Я очень сильно испугалась, мне казалось, что мой отец состоит в какой-то шайке главарем. Они что-то долго обсуждали, до ночи, потом неслышно покинули наш дом. Я не спала, когда отец зашёл в мою комнату. «Дочь моя, – сказал он, – Я не разбойник и не убийца, хотя в нашей стране я считаюсь самым опасным преступником, потому что я ненавижу насилие и рабство, презираю обман. Я скрывал от тебя это лишь для того, что бы ты жила спокойнее, я не хотел омрачать твоё детство. И сейчас я это говорю потому, что моё чутье подсказывает, что скоро меня могут забрать. Но отсиживаться нет смысла, когда полиция избивает до смерти людей на улицах, вышедших отстаивать свои законные права. Фактически, для меня жизнь уже закончена, но я не жалею о том, как я её прожил. Единственное – о чём я жалею: тебе придется трудно из-за того, что твой отец – нумист. Тебе сейчас семнадцать лет, не спеши жить. Мой тебе совет: с помощью моего старого друга можно устроить тебя работать в космических службах, где тебя не достанут службы национальной безопасности». Через три дня отец не вернулся. Ещё через день меня вызвали в полицейский участок. Начались допросы, один за одним. Через неделю такой жизни я позвонила другу отца, объяснила. Им оказался наш капитан. Он был как раз в отпуске. Смит меня пригласил к себе домой, внимательно выслушал. Мне повезло ещё в том, что я училась последние пять лет в специализированном медицинском колледже и после окончания получила диплом врача-терапевта

второй категории. Благодаря Смиуту Филду я очень быстро оказалась в космосе. Мне тогда казалось, точнее, казалось до вчерашнего дня, что это счастье – быть вдали от подлецов и быть полезным людям, творя добро и пользу на благо мира. Но, оказывается, и в космос, за пределы Тенли уже пробралась эта нечисть. Джон, как же дальше жить?!

Джон сидел, не двигаясь, и по выражению его лица невозможно было понять, о чём он думает. Но в эту минуту Джон вообще ни о чём не думал. Он просто не мог, он был полностью парализован услышанным рассказом. Прошло минут пять.

– Джейн, а что же произошло с тобой вчера? – внутренне Джон уже настроился на ещё один рассказ. И не ошибся.

– День начался, как обычно, – продолжала Джейн, – работа ладилась, все было хорошо. Но вдруг я почувствовала, что где-то рядом находится незнакомый человек. Я почему-то не испугалась. Это произошло само собой. Я огляделась. Никого не было. Я продолжала работать. Но через некоторое время я почувствовала чей-то полуприказ-полупросьбу, чтобы я шла вперед. Я подчинилась этому незнакомцу. Куда я шла, я не помню. Наконец я увидела сидевшего на камнях старичка, старенького и полностью седого, как снег. Глядя мне в глаза, он начал говорить:

– Джейн, не бойся нас, мы не желаем зла ни тебе, ни твоим друзьям. Очень скоро произойдут значительные события, и поэтому я хочу тебя предупредить: никто и никогда не находил счастья в покое. Счастье – это ожидание покоя в бурном круговороте событий, вечное ожидание. Не бойся врагов как таковых, самое страшное в жизни – это безразличие. Подумай на досуге сама, и ты поймешь, что порой враг и друг нас радуют и огорчают одинаково, вселяя надежды, радости и огорчения, и только безразличие не рождает ничего хорошего, кроме пустоты и страха. Учись сразу определять людей – друг, враг или безразличие. Твой отец был настоящим человеком, потому что за его спиной стояло будущее. В твоей жизни тебе будет иногда очень трудно, но помни, что именно так рождается счастье. Мы можем помочь тебе и твоим друзьям, но от этого не будет никакой пользы. Учись управлять собой, своими эмоциями и желаниями, и тогда ты почувствуешь в себе истинные силы. Наши силы. Будущее идёт за тобой, оно – за твоей спиной.

После этих слов его тело окутала лазурь, и он начал медленно растворяться. Осталось лишь удивительно чистое голубое облако, которое растворялось в пространстве, уменьшаясь в размерах и становясь все более бледным, пока не исчезло совсем. Минут десять я стояла в задумчивости без движений, стараясь осмыслить происшедшее, и вдруг изнутри заговорил Его голос:

– Если ты не веришь в мои слова, то это можно легко доказать: ты сейчас можешь без скафандра дойти до своего Краба.

Не долго думая, я разделась, взяла в руки одежду и пошла, хотя нигде не было видно моего Краба. Вскоре он появился. Я шла спокойно, словно по Тенле, совершенно не дыша. И как только я забралась в кабину, почувствовала легкую усталость, которая росла с каждой секундой. Больше ничего не помню. Очнулась в каюте. Вот и всё.

При этих словах Джейн подняла свой взгляд на Джона, стараясь понять его мысли.

– Санта Мария, Святая дева Катерина, чёрт знает что! – скороговоркой выпалил Джон, тем самым давая понять, что он не может разобраться в происшедших событиях. Через минуту он перестал хаотично перемещаться по саду и крутиться как волчок, успокоился и устроился в зарослях лиан около Джейн. Наконец он заговорил:

– Допустим, что взрыв и старичок совершенно независимы. Итак: кто он такой, откуда, от кого, и что ему надо? Самое главное определить: откуда и от кого, и тогда все станет ясно. Понятно, что он не амирец. Значит, либо от руссан, либо какой-нибудь космический пришелец, на которых все фантасты-дураки давно сломали голову. Реальнее всего, что он от руссан. Но с другой стороны, можно почти точно сказать, что такие возможности недоступны

будут людям по меньшей мере лет двести. Есть ещё один вариант, то есть я хочу сказать, что это могут быть тенляне из будущего. А, вообще говоря, почему именно старичок? Нда, голову сломать можно. А почему бы не молодой человек? Если он такой всеильный, то немудрено, что ему было известно про взрыв. Кстати, от его слов сильно веёт восточной философией, тоже непонятно. Единственное, что можно сказать уверенно, это то, что мы находимся под чьим-то наблюдением. Хотелось бы верить, что во время безвыходных ситуаций Он всё-таки придёт на помощь.

Джон глянул на Джейн. Она смотрела куда-то вдаль сквозь кварцевый бронеколпак купола, на изумруды далеких звёзд, обдумывая слова Джона. Вздрогнув, она повернулась к нему.

– Ладно, Джон, я пойду посмотрю, что и как, а то не могу даже сориентироваться, – сказала Джейн и поплыла между лиан к люку.

Джон остался переваривать ещё раз все события. Мысли лезли, одна нелепее другой, от них становилось как-то не по себе. Словно назойливые мухи, они крутились в голове, и Джон никак не мог от них избавиться. Так он просидел до самого обеда.

Капитан

После завтрака Смит Филд поднялся в капитанскую рубку, и, устроившись поуютнее, молча сидел с закрытыми глазами. Казалось, что он спит. Смит старался продумать все до мелочей. Он волновался, что было с ним очень редко. Раньше главной задачей его работы было выполнение заданий с Тенли, сейчас задача была потруднее.

Теперь ему предстояло спасти и уберечь от неминуемой гибели четырех человек, спасти и уберечь от жестокой Тенли. Задача почти невыполнимая. В скором времени предстоял сеанс связи с центром, а отчёт о причинах вынужденного старта с полным объяснением дел ещё не был готов. Но, прежде чем что-либо писать, нужно чётко определить свои собственные планы на будущее: возвращаться или нет на Тенлю. С другой стороны, это решение зависит от поведения Тенли, да и от самого экипажа корабля. Кто их знает, что им может прийти в голову, может, они согласны на неминуемую гибель, лишь бы на Тенле. Смит прекрасно знал каждого, кто на что способен. Но отношение людей к родной Тенле не знает никто, кроме них самих. «– Интересно, что бы ответил Робинзон Крузо, если бы ему перед его роковым плаванием сказали, что он проживет двадцать восемь лет в полном одиночестве?» – уныло подумал капитан. Утром капитан ещё не был готов чётко объяснить свои планы, точнее, не смог.

«– Может, старею?» – промелькнуло в голове. Ещё раз Смит вспоминал и анализировал действия, выражения глаз, мимику лиц членов своей команды, когда он говорил про сожжение Тенли и про вариант «Побег». Такое название он придумал только что. Но после детального размеренного анализа Смит пришёл к выводу, что его последние слова были пропущены всеми без исключения, в тот момент в глазах своих астронавтов он читал ужас оттого, что они слышали из его уст. Ему надо было построить разговор наоборот, начав со своего предложения, а потом уж его обосновать. «– Ну что ж, придется играть с Тенлей в прятки – кто кого. Я совершенно не знаю, подозревает ли Центр о том, что нам известно о космическом полке, или нет. Если Тенля зарегистрировала сигнал первой категории, то вполне возможно, что они смогли зарегистрировать и наш разговор с полковником. В таком случае можно петь «за упокой души». Сам Сэм Браун ничего не говорил о том, что он передал сообщение на Тенлю о катастрофе, ведь ему было не до того в те последние минуты, слитые в несколько часов. Значит, у нас есть шанс. Попробуем им воспользоваться. Посмотрим, что из этого получится. Кроме Тенли терять нечего, чёрт побери».

Посидев ещё минуты три, капитан щелкнул выключателем и начал диктовать Эпокапу отчёт о вынужденном аварийном старте. Продиктовав то, что требовалось в этой ситуации, капитан спросил, сколько времени осталось до сеанса. Эпокап ответил, что Тенля должна выйти на связь через семь с половиной минут. Капитан имел в запасе для отдыха семь минут...

Дэнил

В каюте Дэнила Лонга абсолютное молчание нарушал лишь робот Хват, с легким шарканьем по полу с портативным кондиционером, очищая воздух от густого табачного дыма. Пользоваться трубкой в невесомости довольно-таки неудобно, и поэтому в такие дни Главный механик-электрик пользовался «свирепыми» сигарами, которые продавали аж до колен. В отличие от педантичного робота, снующего по полу при помощи магнитных присосок, Дэнил висел в самом центре каюты, изредка щелкая по сигаре, чтобы сбить пепел, за которым тут же начинал охотиться Хват. Пожалуй, в эти минуты Дэнил был самый спокойный из всех. Ему, родившемуся в космосе, было абсолютно все равно – увидит он свою планету, или нет. С полным хладнокровием он думал о том, как себя чувствует капитан. Вместе со Смитом он уже бороздил просторы Вселенной более десяти лет. Смит был его другом. Он был тем человеком, который никогда не предаст и не продаст, даже самому дьяволу. Дэнил знал, что он нужен Смицу так же, как Смит нужен ему. Это была самая настоящая космическая дружба, и второй такой не найти нигде. Дэнил хорошо знал своего капитана и в такие минуты никогда не тревожил. Он знал, что охламонов, Робина и Джона, можно уговорить хоть куда – этих романтиков хлебом не корми, лишь бы побольше приключений. Но оставить их до конца своих дней в космосе – эта задача потруднее. Вскоре думать об охламонах ему надоело, они отошли на второй план, и, задумчиво глядя на синие кольца дыма, Дэнил стал думать о себе. Родителей он не помнил совсем. Потом, через семнадцать лет ему рассказали его историю появления на свет. Его родители были безработные инженеры. И когда они услышали о том, что Космическому Центру требуется молодая парочка для проведения медицинских экспериментов, они сразу согласились. Эксперимент сводился к тому, что не рожавшая до этого женщина должна в условиях невесомости зачать и родить ребенка, которого через три месяца после родов поместят в центрифугу для адаптации к притяжению Тенли, и ещё через три месяца он должен будет спуститься на планету под строгий надзор врачей в течение двадцати лет. За этот эксперимент родители получали целое состояние и плюс полная опека ребёнка государством, если они от него откажутся. Родители Дэнила выигрывали во всём – только безработица мешала им завести ребенка. А с помощью эксперимента получалось всё – и ребёночек, и нужные по горло деньги и, кроме того, бесплатная прогулка по солнечной системе. После того, как медицинская комиссия признала их годными для эксперимента, и они победили в конкурсе, их разлучили на три месяца для обучения. Мать Дэнила изучала основы медицины, пользование скафандрами, основы управления и ориентации космическим кораблем и все остальное, самое необходимое для женщины, а отец досконально разбирался во всех системах корабля, способах и методах ремонта, изучал управление в пассивном режиме, коррекцию траектории и всё остальное, касающееся мужчины, на случай аварии. И, конечно же, требовался стопроцентный положительный исход самого эксперимента. Молодым супругам запрещалось даже говорить по телефону, и лишь изредка, когда зоркие глаза психологов замечали, что один из супругов начинает забывать о своей половине, поглощённый учёбой, словно невзначай, ему показывали прекрасный цветной слайд любимого человека.

Они прошли полный курс сексуальной подготовки. Эти три месяца перед стартом были настоящей пыткой: учёба, тренировки, учёба, тренировки, режим, тренировки, учёба,

зачеты, цветной слайд любимой, учёба, тренировки, зачёты, тренировки. Их просторный спутник должен был выйти за пределы притяжения Тенли и отправиться в космическое путешествие по солнечной системе, подальше от планет с их вечным притяжением. Вернуться к Тенле он должен был через полтора года, и, в случае необходимости, встать на околотенную орбиту, если к этому времени эксперимент ещё не кончится.

Старт прошёл нормально, все было как нельзя лучше, без неточностей и помарок. Как замороженные, все это время они не сводили друг с друга своих счастливых глаз, любясь и радуясь, что наконец они вместе. Но снять противоперегрузочные скафандры, или попросту раздеться, им разрешалось по истечении трёх часов после того, как спутник перейдёт в режим пассивного полёта. Эти последние часы были самым настоящим адом, нестерпимой пыткой, которую они всё-таки вытерпели. Как только в правом верхнем углу командного пульта загорелся бледный свет индикатора, они рванулись друг к другу в страстном желании, стараясь стать единым целым, слиться, словно две капли воды, полностью проникнуть в любимое тело... С испуганным визгом собачки молний освобождали истосковавшиеся тела от нудных скафандров... Вселенная принадлежала им... Только им... Каждый расценивает счастье по-своему, но, даже не обладая повышенной фантазией, можно понять, как они понимали и ощущали счастье все это время. Через месяц стало известно, что ребёночек будет.

Дэнил родился весёлым, здоровым и крепким, без каких-либо отклонений от нормы. Центр сообщал, что по развитию их младенец не уступает здоровому ребёнку Тенли. В это время спутник уже держал курс домой, на околопланетную орбиту он должен был выйти через два месяца. И вдруг...

Ничего не предвещало беды. Четырехнедельный Дэнил мирно спал, вдоволь напившись материнского молока. Счастливая мать парила в невесомости около него, глядя счастливой, с лёгкой грустью улыбкой. И вдруг... И вдруг она вздрогнула, словно кто-то уколол её в самое сердце. Она растерянно подняла глаза, посмотрела вокруг со страхом, и спросила, всё ли в порядке. Её муж подплыл к пульту и после пятиминутной паузы ответил, что все системы корабля работают нормально. А через час завывла сирена. Пробило оба баллона с кислородом, обрекая весь состав корабля на смерть. Кислород остался только в самом корабле, которого хватало не больше, чем на неделю. Единственное, что можно было сделать – это оставить одного Дэнила, ему одному хватило бы кислорода до того времени, как прибудет спасательный корабль. Последний поцелуй... Последние объятия... Отдав Дэнила во власть манипуляторного робота-няни, попрощавшись с молчаливой Тенлэй, которая не знала что ответить, они вышли в космос, плотно прижавшись, друг к другу... Когда они стали задыхаться от нехватки кислорода, отец Дэнила резким движением открыл клапан... Несколько раз в течение сорока лет командиры кораблей, пролетавшие в этих районах, в тайне от Дэнила говорили, что регистрировали радаром объект примерной массой триста килограммов... Но тайна для того и есть тайна, что бы когда-нибудь перестать ей быть. Дэнил тупо верил, что он встретит своих родителей, понимая, что это бред, но в каждую свободную минуту он смотрел в иллюминатор, независимо от того, где бы ни находился корабль...

...Дэнилу встретила аварийно-спасательная группа, через месяц. Ещё через месяц оба корабля благополучно встали на околотенную орбиту и ещё через три месяца полугодовалый Дэнил был доставлен на Тенлю. Его полюбил весь космодром. Астронавты, диспетчеры, врачи, техники – все навещали его в интернате. Немудрено, что Дэнил в десять лет впервые поднялся в космос. И сразу его полюбил. В школьные каникулы его можно было найти только в космосе на какой-нибудь из «орбиталок» или, на худой случай, на ремонтных стапелях, где он вместе с техниками копался в двигателях. Так появился один из самых опытных и знающих механиков по двигателям, немногословный и преданный космосу Дэнил Лонг.

...Глядя в иллюминатор, Дэнил почувствовал, как жжёт пальцы от догоравшей сигары. Не отводя взгляда от иллюминатора, он протянул руку с бычком в сторону Хвата, который сразу схватил его. Воздух в каюте был чист, источника загрязнения не было, и Хват скромно встал в дальнем углу каюты.

Космосом Дэнил мог любоваться часами. Где-то за сотни парсеков от корабля, окружив сбившиеся в кучку испуганные звёзды, неподвижно, вечно, висело сине-фиолетовое облако туманности, поражающее своей грандиозностью, недоступностью и красотой. Вселенский сполох отливало всеми цветами радуги, которые мог воспринять нормальный человеческий глаз: края облака, растворяясь в пустоте, казались бледно-зелеными, переходя в черно-бархатный цвет необъятного вакуума. Замысловатые узоры звезд, сплетенные в орнаменты созвездий, светили удивительно белым светом, ярко, не мигая, словно они пытались лишний раз доказать вечность существования в Пространстве и Времени.

Дэнилу Тенля была не нужна. Зачем она ему? Эта планета была для него большим кораблем, который он помнил по нудным и скучным урокам в школе, по ремонтным мастерским, где было очень интересно, да по публичным домам, которые он посещал, будучи в отпуске. Дэнил не признавал разные рыбалки, охоты и собирания грибов. Увлекательному походу по неизвестным горным лесам он предпочитал лишний раз обойти двигательные отсеки корабля, которые знал как свои пять пальцев. Он не мог понять тех скучных людей, которые неудержимо, словно паломники, рвались на Тенлю, пересаживались на поезда и самолёты, куда-то долго ещё ехали и летели. Потом тряслись в тесных попутках, после долго шли куда-то пешком, сжираемые свирепыми комарами, медленно превращаясь в красно-пухлые пористые губки от укусов оводов и мух. И всё это ради того, чтобы сесть на берегу какой-нибудь вшивой реки, забросить удочку и часами с неимоверной надеждой смотреть на её поплавок в ожидании великого чуда, то есть того момента, когда чахлый пескарёк начнет теревить не менее чахлого червяка. Ещё больше его раздражал едкий и вонючий дым костра, который обычно не горит, а дымит и эти скучные люди, почему-то называемые романтиками, им восхищаются и тешат себя пустой и ненужной мыслью, что он их может согреть. «Если огонь – то как в двигателе» – это был один из основных девизов Дэнила, он не любил плаксивые надежды, телячьи радости и все остальное, до чего так падки эти самые любители природы и романтики. «Если гореть – то огнем и дотла, если любить – то мгновенно, без слов и взглядов и сразу, если жить – то так, как хочешь, если умирать – то сразу, без мучений». И поэтому на Тенле он брал себе то, что ему не хватало в космосе. А не хватало там женщин, ведь всё остальное есть на «Фаере», и тем более, без комаров и всех остальных неудобств. И растительность, и вода, и тот же воздух, и огонь, да ещё какой. Так что прожить можно.

Дэнил поймал себя на мысли, что его внимание приковала одна звезда, подмигивая соблазнительно бело-голубым светом, напоминая ему что-то до боли в висках знакомое, и вроде бы, близкое. «Слушай, подруга, а почему ты мигаешь, словно на Тенле?» – невольно подумал про себя Дэнил, мысленно обращаясь к звезде. Приглядевшись, он понял, что это простая звезда, каких во вселенной пруд пруди, и ничего она не мигает, и вообще, она какая-то тусклая и невзрачная. Вдруг в голове стремительной стайкой воробьёв пролетели ещё какие-то мысли, на которые Дэнил не обратил внимания. В глазах появилось приятное и мягкое бесформенное и беззащитное животное, которым можно было вдоволь насладиться – молочно-туманная сонливость, ласковая, как женские руки и теплая, как парное молоко. Сладостно чмокнув, Дэнил дал свободу слипающимся глазам, и, выбросив последний клочок догорающих мыслей, словно бычок сигары, превратился в безмятежную жертву хищника с названием сон.

Робин

Робину, как штурману и помощнику капитана, всегда и везде, при любых условиях неукоснительно требовалось выполнять две функции: душой и телом чувствовать своего шефа, чтобы по праву называться его правой рукой, с одной стороны, и иметь своё собственное мнение, причём такое, чтобы оно не было антиподом мнения капитана, с другой стороны. До этого дня Робину удавалось без всякого труда совмещать эти две противоположные функции, и прежде всего потому, что Смит Филд был человеком порядочным. Но это было раньше. Робин сам не заметил, как стал делить события на прежние и настоящие, то есть до и после взрыва. В первую очередь его беспокоило прежде всего то, что он был не в силах хоть как-то более-менее реально и отчётливо понять капитана, его предстоящие планы. Да, он слышал, что капитан легко и ненавязчиво предложил всем подумать о том, стоит ли возвращаться на Тенлю. Но ведь это ещё ни о чём не говорит. Робин старался мыслить примерно так, как это делал Джон, то есть логически.

– Допустим, что это предложение – чистая правда. В таком случае следует, что капитан – трус, боится смерти. Либо думает о команде. Но, в таком случае, учитывая обстановку, ему следовало бы подробнее рассказать всем о предстоящих планах, вкратце сообщить, что он хочет передать на Тенлю, в Центр. Но, с другой стороны, он – капитан, и он им останется в любую минуту. Значит, прежде, чем определять, врал, или нет капитан, нужно точно уяснить, из храброго десятка он, или нет.

Робин долго и упорно старался вспомнить все эпизоды, все случаи, в которых были элементы опасности. Но он не смог вспомнить ни одного опасного случая за все шесть лет совместных полетов, и единственный вывод, который из этого следовал, что капитан – мастер своего дела, но не более. Робин понял, что зашёл в тупик.

– Интересно, – подумал он, – что на моём месте сейчас сказал бы Джон. Ведь шкурой чувствую, что этот Шерлок смог бы докопаться до истины. Может, его позвать? Нет, кирпичей ему с маслом, он от меня больше не дожждётся, чтоб я перед ним ещё раз расписался в своём собственном бессилии. А то ведь иначе получается, что я принимаю его точку зрения. Хоть он и друг, но я всё-таки штурман. Так что надо самому... Итак, в космосе, когда я рядом, ничего трагического не было. Это говорит не столько о его трусости и боязни опасности, сколько о том, что у него голова на плечах, а не пустой шлем. Кроме космоса он, как и все мы, был на Тенле. Но отпуска мы вместе не проводили. Значит, надо вспомнить, что про него говорили другие и рассмотреть эти события на предмет опасности... Ничего плохого о нем не говорили... Сам я тоже не знаю... Называется, прилетели в чёрную дыру. Идея... Спросить у Джона. Может, он знает такие случаи с нашим капитаном.

Робин вызвал Джина.

– Слушай, дружок, где твой хозяин?

– Не информирован в данном вопросе.

«Чугунная кукла, подумал про себя Робин, – хоть кто-нибудь когда-нибудь из них ответил бы не по программе. Сказал бы просто «не знаю», а то так и хочется заорать что-нибудь вроде «два наряда вне очереди».

– Найди его и пригласи ко мне, я в рубке.

– Задание понял, выполняю.

Через полчаса появился Джон. Выражение его лица было неопределенное. Но первая фраза сразу всё поставила на свои места.

– Чего тебе надо? – этот вопрос означал, что он не в духе.

– Не рычи, а лучше помоги. Я буду проверять твою память. Скажи мне пожалуйста, помнишь ли ты такую ситуацию, которую можно назвать критической или опасной, в которой участвовал наш капитан? Хотя на Тенле, хоть в космосе.

– Прежде, чем проверять мою память, проверь свою, старый осёл, при тебе же Дэнил говорил, что капитан как-то связан с нумистами. Реальнее опасность представить трудно.

– Сам осёл, – машинально ответил Робин, медленно краснея и напряженно думая о чём-то своём.

Джон, поняв, что он больше не нужен, тут же ушёл в себя, и, движимый внутренним автопилотом, сам того не заметив, опять вернулся в Сады, где и сидел раньше.

«– Вот тебе и логика. Чего-то он врёт, этот Джон. С одной логикой в таких вопросах не разобраться. Может, тут надо специальное образование, или... Ну уж если я такой круглый дурак, то тогда меня не назначили бы штурманом. Итак, капитан – смелый человек. Значит, прежде всего он думает о нас, а не о себе, хочет, чтобы наша жизнь не кончилась трагически, при непонятных обстоятельствах. И если капитан сделал такое предложение, то значит, у него есть основания полагать, что нам грозит опасность. Как всё логично и красиво, чёрт побери!..А дальше что?!

Робин какое-то мгновение сидел молча, чувствуя, как его начинает мутить от такой логики. Его пугала логическая законченность этого, казалось бы, запутанного клубка. Какое-то время он смотрел отречённо-пустым взглядом на терминал, который с идиотским спокойствием высвечивал функциональные обозначения важнейших узлов и давал информацию о координатах и траектории движения корабля.

– Ещё немного, и меня можно кутать в смирительную рубашку. Так и с ума можно сойти от всех этих проблем, – подумал он. В следующий момент его рука машинально, словно заводная, прикоснулась к сенсору, вызывая на связь Дика. Но Робин даже сначала это не понял, и только когда робот во второй раз спросил его, для чего он потребовался своему хозяину, Робин постарался ещё раз напрячь свои измученные и выжатые мозги и стал усиленно думать, что бы ему сказать. В первый момент пришла «гениальная» идея послать его куда-нибудь, но в следующий момент Робин вспомнил, что инструкция запрещала часто использовать логически незаконченные приказания, так как у роботов для ликвидации тупиковых команд вырабатывалась специальная внутренняя команда, и после некоторого времени такой робот просто прекращал слушаться своего хозяина. Совсем как человек. И поэтому после непродолжительного молчания Робин произнёс:

– Дик, принеси что-нибудь попить.

– Кефир, сок, молоко, виски, содовая, ром, ликёр?

– Узнай рецепт коктейля у Руны. Только никакого алкоголя. Всё.

Через несколько минут Дик стоял с баллоном вместо стакана из-за невесомости, и Робин, сидящий как во сне, спросил:

– Он что, газированный?

– Кто или что?

– Кто-кто... Коктейль?

– Нет, не газированный. Необходимость. Из-за невесомости.

– Всё. Свободен.

Тревожное ожидание

На обед все собирались нехотя. Капитан пришёл вовремя. Остальные, даже Дэнил, опоздали. Последним пришёл Джон, которого Джин кое-как смог отыскать. За это от Джейн, как от начальницы столовой, схлопотал выговор. Ели молча. Эта натянутость объяснялась тем, что никто из членов экипажа не смог принять окончательного решения относительно

предложения капитана. Сам же Смит Филд выражал полную непричастность ко всему происходящему. Но как-то чувствовалось, что он волнуется. И у капитана были для этого полные основания.

Любой человек больше всего на свете боится неизвестного. Так было, есть и будет. Это своеобразная защитная реакция организма против возможного уничтожения, хотя человек часто преувеличивает степень страха, возводя его в ранг безумного ужаса, тем самым позволяя внешним условиям уничтожить его самого.

Капитана пугало то, что Центр не вышел на связь. Каждый день на протяжении всей экспедиции ровно в двенадцать часов, независимо от условий, капитан выходил в эфир на связь с Тенлей. Но Тенля на сей раз молчала, не отвечая на запрос. И капитан ничего реального не смог придумать для объяснения этого обстоятельства. И самое главное было не в том, что Тенля записала или нет экспедицию в число покойников, а в том, что именно ему следовало предпринять: или возвращение, или побег раз и навсегда в неизведанные дали Вселенной. Побег лишал всякой возможности вернуться обратно на свою родную планету независимо от обстановки на Тенле. Причина тому – ограниченный запас топлива, не рассчитанный на межзвездные мытарства. Другими словами, капитан понимал этот шаг как медленную гибель в течение нескольких лет, а, может, нескольких десятков лет.

«А что такое вообще жизнь? Если брать по крупному, это и есть медленная смерть, ведь в любом случае рождение приводит к смерти. Рождается человек, с помощью родителей, а потом сам, без их помощи, начинает приспосабливаться к существованию, которое считает жизнью, иногда даже счастливой, некоторое время живет ожиданием, борьбой за право существования, и наконец, добившись своего, или не добившись, какое-то время живёт тем, к чему стремился, и умирает. Но ведь все мои славные ребята хоть и живут в космосе по несколько лет, но всегда и везде, независимо от них самих, в них живет надежда на возвращение, и я не могу утверждать, что они приспособились к жизни в космосе. Они приспособились долгое время работать и жить, а я им предлагаю все время до конца их жизни жить и работать. А ведь это две большие разницы – работать и жить, или жить и работать... Жить и работать из этих четырёх человек сможет, пожалуй, только Дэнил, а охламоны и Джейн – вряд ли. Кто мне даст ответ, что лучше – смерть на Тенле или смерть в космосе?»

– Я у вас ничего не спрашиваю, потому что сам ничего не могу сказать, так как Тенля по неизвестным причинам впервые не вышла на связь. Джон, после обеда хорошенько проверь всю приёмо-передающую аппаратуру.

– Понял, капитан.

После того, как капитан хоть что-то сказал своим подопечным, сразу стало легче. Помолчав немного, Смит добавил:

– У нас есть ещё сутки для раздумий, до начала корректировки траектории, а если и тогда не будет известно, останется ещё двенадцать часов до маневра.

После обеда все разбрелись, если так можно сказать в условиях невесомости, по своим каютам. Джон поплыл в рубку к спецтерминалу для контроля с помощью Эпокапа всех радиосистем, а Джин вышел в открытый космос, предварительно включившись в систему обработки данных проверочного тестирования точной настройки всех антенн «Фаера».

Робину надоело сидеть без дела в рубке, и он под видом проверки бездумно летал по всем отсекам до тех пор, пока не наткнулся на спортзал. Тут он понял, что именно этого ему не хватало. Невзирая на предупреждения, которые не рекомендовали после обеда активно двигаться, штурман самоистязал себя на тренажёрах до тех пор, пока не помутнело в голове от усталости. Кое-как он добрался до душа и уснул. Но захлебнуться брызгами воды в условиях невесомости ему не грозило: он надел водозащитную маску дыхательного аппарата. В последствии его нашёл Дик и оттранспортировал спящего в каюту.

Дэнил забрался в свою каморку в отсеке вспомогательных мастерских, достал телескоп собственного изготовления и, дымя сигарами, ушёл в себя, разглядывая взлохмаченные туманности, колючие точки неведомых звезд, крохотные сгустки далёких галактик и всё остальное. Ничто не могло ему помешать.

Джейн, после того, как помогла Руне убрать после обеда, опять забралась в Елисейские сады, по которым за все время пребывания на Саморе соскучилась.

Капитан думал...

Первым на связь с Джейн вышел заспанный Робин:

– Джейн, я ужинать не буду, в обед объелся.

– У тебя голос, словно ты не в обед объелся, а уже после него чего-то напился.

– Нет, я только что проснулся. Привет.

Минут через пять портативный приёмник заговорил голосом Дэнила:

– Джейн, девочка, ты на меня не сердчай, но я что-то не хочу ужинать, на меня не готовь.

– Хорошо, но, может, хотя бы кофе?

– Нет, спасибо, не хочу.

– Как знаете.

Джон не заставил себя долго ждать:

– Джейн, моя хорошая, я совершенно не хочу есть, ты уж меня прости, но я лучше приду к тебе сразу после ужина, хорошо?

– После радиосвязи с тобой остался один капитан, которому мне предстоит готовить ужин. Может, и он не захочет, как ты думаешь?

– Хм, ну, если ты ему предложишь не ужинать, то он наверняка откажется.

– Нет, я попробую намекнуть на данное обстоятельство.

– А сама-то ты хочешь есть, а то, чтобы тебе составить компанию, я могу поужинать с тобой? При мысли, что мы будем ужинать вместе, у меня разгорается жуткий аппетит.

– В том-то и дело, что я тоже не хочу ужинать. Как я освобожусь, я тебе дам знать.

Сделав секундную паузу, Джейн нажала кнопку вызова капитана:

– Капитан, что Вам приготовить на ужин?

– То же, что и остальным.

– Но остальные отказались.

– Я присоединяюсь к ним.

– Вас поняла, сегодня ужин отменяется.

Джейн, услышав это, задумалась. Ей было как-то неудобно вызывать Джона. В голове крутились мысли о женской чести, независимости. Но в душе какой-то непонятный, чуть-чуть добрый, чуть-чуть злой волшебник звал куда-то, светя ярким огоньком крохотной свечи, ласково улыбаясь и дуя в лицо дурманящей теплотой. Он звал туда, где неизведанные места, нетронутые родники хрустальной воды и парные облака во власти холодно-мятных небес. У Джейн было такое чувство, что оттуда обратной дороги нет. И потому ей хотелось остаться здесь, хотя здесь скучно, но привычно. Эта борьба длилась бы неизвестно сколько, но её думы прервал сам Джон:

– Джейн, я уже сделал все проверки, капитан собирается ужинать?

– Нет, он тоже отказался.

– Ага. Значит, ты свободна? Я сейчас докладываю капитану и могу к тебе приплыть, если ты не возражаешь.

– Плыви...

Капитан думал...

В это время голубое облако сконцентрировалось на стеблях лиан, потом свернулось в клубок и стремительно метнулось в угол, словно хрустальная ваза, рассыпалось на мелкие

кусочки, растеклось по полу, став опять невидимым. Концентрация энергии уменьшилась, достигнув своего результата...

Рабочий день подходил к концу.

Стукнув в овальный люк каюты, Джон осторожно заплыл в апартаменты Джейн. Она сидела на стуле, облачившись в костюм из ферромагнитной ткани. Джона пробило сковывающее оцепенение: Джейн, смотря на него с лёгкой доброй улыбкой, казалось, изнутри сияла волшебным светом. Она походила на сказочную добрую фею. При этом виде Джону стало грустно, на его лице появилось выражение жалкой тоски. Он олицетворял собой безысходную непричастность к вере во что-то лучшее.

– Джон, что случилось? – спросила Джейн, недоуменно глядя на него.

– Нет, ничего, Джейн. Не пугайся, – медленно сказал Джон, усиленно растирая виски и напряженно о чём-то думая, – понимаешь, я сейчас просто подумал, даже не знаю, как сказать... Я приплыл к тебе, и когда увидел тебя такую, то ты мне показалась какой-то недосягаемой, нетенной, точнее, некосмической... Понимаешь? Мне почему-то захотелось стать твоим слугой, а ведь где начинается рабство, там кончается любовь, и вообще, где кончается любовь, там начинается что-то непонятное, даже нечеловеческое: или унижение, или гордость, или подлость, или скупость. Видимо, я напрочь отвык видеть тебя не повседневной, или не знаю...

Он медленно вращался посреди каюты, схватившись руками за голову и говоря так, словно при каждом слове его пронзала дикая нечеловеческая боль. Джейн какое-то мгновение сидела в смутном оцепенении. Её рука медленно и робко сползла с коленей, покатилась вниз, отстегнула магнитные присоски, и в следующий миг стремительно, словно стрела, Джейн метнулась в центр каюты, к Джону, обволокла его тело, оплела, запуталась в нем, связавшись космическим узлом.

Капитан думал... Взвешивал... Сопоставлял... Думал... Решал... Решался... Боялся пропустить...

Уже давно спал Робин. Ворочаясь и изредка почёсываясь в постели, которая стала почему-то неудобной и холодной, засыпал Дэнил. Голубое облако, словно текучая лужа, просочилось через шахту на нижние этажи и незаметно залилось в каюту к капитану, испарившись там и став невидимым...

– Джон, если капитан спросит твоё мнение насчёт побега, что ты ему ответишь?

– Отвечу, что моё мнение совпадает с твоим, милая.

– А если серьезно?

– Я и так серьезно.

– Ну а если бы меня не было?

– Трудно сказать.

Джон на мгновение замолчал, а потом начал рассуждать вслух:

– Это очень трудный вопрос. Я капитану сейчас не завидую. Ему труднее всех. Попробуем вычислить ответ логически...

– Опять без логики ни на шаг? – прервала его Джейн.

– Куда без неё, родимой? Она позволяет наиболее точнее и детальнее рассмотреть любой вопрос, лишь дураки и самодуры ей не пользуются, а все остальные, кто больше, кто меньше, используют логику, сами себе не давая отчёт в этом. Итак, вопрос первый: что будет с нами, если мы полетим на Тенлю? Ответ: все зависит от того, знают или нет о том, что мы имели контакт с людьми полковника Брауна. Но независимо от этого, нас будут долго таскать по допросам, беседам, и так далее. Будут сверять показания всех, выяснять неточности и выискивать мелочи, за которые ещё раз можно прицепиться. А!..

Услышав это «А!», Джейн глянула на Джона. В сумерках затемненной каюты легким светом светились испуганные зрачки его глаз, белки казались голубыми. В этих глазах,

которые теперь казались страшными, отражались блеклые звёзды, искусственно потушенные электронными шторками анизотропных кристаллов иллюминаторов. По телу Джейн поползли холодные мурашки....

– Что с тобой опять?! – почти в ужасе закричала она.

– У нас нет дороги на Тенлю.

– Почему?!

– Потому что в любом случае смерть.

– Почему?

– Либо нас уберут как ненужных свидетелей, либо обвинят нас во взрыве и казнят публичной казнью. В любом случае – крышка.

– Может, тебе лучше сказать об этом капитану?

– Думаешь, он не догадается?

–Не знаю. Джон, милый, мне страшно! Что же делать?!

С этими словами она бросилась к нему, словно он как-то мог её защитить или укрыть. Джон обнял, теребя её волосы. Он молчал, не зная, что ответить.

Капитан думал... Взвешивал... Решал...

Когда работают роботы

Было уже давно за полночь, когда утомонились любовные страсти и перестали проигрываться всевозможные комбинации. В это время работают только роботы: либо по заданию своих кураторов, либо по спецпрограмме повседневной профилактики: убирают помещения, моют рабочие каюты, вспомогательные комнаты и все то, где работают люди. Сейчас роботы наводили полный порядок. Работали они почти бесшумно, и незнакомому человеку могло показаться, что на корабле снуют привидения.

Люк каюты капитана задымился синим дымом, который не растворился, а, наоборот, собрался в комок неопределенной формы и медленно поплыл по коридору, словно управляемый чей-то волей. Он подплыл к блоку памяти Эпокапа, просочился через обшивку кожухов, и через минуту поплыл дальше. Эпокап два раза мигнул на долю секунд, сразу перешёл в режим самотестирования, но, не найдя в себе неполадок или ошибок, опять продолжал работать в заданном режиме. Вдруг все роботы замерли, словно в стоп-кадре спортивного репортажа. По программе Эпокап должен поднять тревогу через две секунды после группового останова этих машин, но он молчал. Облако не торопясь, спокойно обследовало каждого из них по очереди, после чего они разом заработали опять. После этого облачный ком стал чуть мягче, расплывчатее, в его голубых тонах добавились приветливые краски бирюзы. Он сплюснулся, стал похожим на оладь, и, замерев на момент, двинулся в направлении каюты Джейн. Оказавшись в её апартаментах, облако на мгновение застыло. Через секунду оно начало таять, растворяясь в темноте.

Джейн, спавшая до этого тревожным сном, стала дышать реже и спокойнее, её мышцы, напряженные от стрессов последнего дня, ослабли до полного раскрепощения, стали ватными и теплыми. Она провалилась в глубокий сон так сильно, что пробила грань дозволенного и вывалилась в незнакомый мир розового света, залитый сказочными лучами рубинового солнца. Неведомые страны, удивительные травы волшебных лугов были перед ней. Позабыв обо всём на свете, она бежала по этим лугам, радуясь неведомому миру, словно маленький ребёнок. Грибной дождь капал на неё из пустоты и был самым настоящим эликсиром бодрости для души. Она могла бежать так сколько угодно, но ей что-то начало мешать. Джейн сначала даже понять не могла. В следующий миг небо потемнело, стало синим, потом темно-голубым, потом темно-фиолетовым, и, наконец, черным, без звезд. В этой черноте ярко зажегся далекий фонарик, который начал стремительно увеличиваться в размерах и

превратился в ядерный гриб. Налетевший ураган попробовал сбить её с ног, пытаясь бросить на чёрные камни бетонно-образной выжженной Тенли, кружа вокруг хороводом темно-багрового пепла. Она хотела закричать, но вдруг всё резко оборвалось, ветер стих, ядерный гриб ушёл за горизонт. Джейн увидела того старца, с которым встречалась на Саморе. «Джейн, не бойся, я стою за тебя горой», – сказал он, улыбаясь доброй улыбкой. «Кто ты?» – спросила Джейн. Уходя, он бросил через плечо: «– На Тенле узнаешь».

Она открыла глаза. Перед ней были заспанные глаза Джона.

– Джон, я сейчас что-нибудь говорила?

– Ты смеялась, а потом стонала. Потом что-то говорила.

Вздохнув, она уткнулась ему в грудь.

– Ты хорошо спал?

– Так себе. Сон видел.

– Расскажи.

– Очутился я на родной ферме. У нас есть уникальное сооружение, колодец. Говорят, ему лет двести. Его покойный отец всегда в порядок приводил. Беру я ведра, иду к нему, набираю хрустальную воду, несу домой. Даю попить матери, братишке, тебе... Иду опять к колодцу и только хочу опустить в него ведра, как оттуда появляется старец, примерно такой, про какого ты рассказывала, и говорит: «Джон, ты заблуждаешься, зло с помощью зла уничтожить нельзя. Это извечный закон Доброты. Борьба со злом должна быть добрая, потому что, если с помощью зла уничтожать зло, то в мире появляется новое зло, и появится новая сила, которая с помощью зла будет уничтожать зло, и будет считать, что творит добро. Не думай, это не проповедь Христа, а истина Мира. Очень, очень трудно уничтожать зло с помощью добра. Запомни это». Вроде бы он ещё что-то говорил, но я уже не помню. Но вот это запомнил слово в слово. Никогда не видел таких реальных снов.

– А мне снилась какая-то сказочная планета, но когда налетел ураган и появился ядерный смерч, я поняла, что я нахожусь на Саморе. Ужасно. До сих пор было так хорошо. Но после увидела опять того старца, и он сказал, что защитит меня.

Джейн смотрела в затемнённый иллюминатор, о чём-то думая. На её лице постепенно начала появляться вуаль тёмных дум. Джон, смотревший на неё, обнял любимую, стараясь отвлечь от воспоминаний этого сна. Постепенно выражение её лица приняло жалкий вид, она готова была расплакаться, но сдерживалась из последних сил. Наконец силы её иссякли, и, громко всхлипывая, уткнувшись Джону в плечо, она тихо, с потаённой надеждой, прошептала:

– Я люблю тебя, Джон... Я хочу быть счастливой.

...Голубое облако скомпоновалось в мертвецко-молчаливом коридоре и, казалось, о чём-то усиленно думало. Какое-то время оно колебалось из стороны в сторону, словно в нерешительности, потом метнулось в Елисейские сады, там остановилось, замерло, и опять так же медленно и величаво поплыло в сторону каюты Дэнила.

Неизвестно, есть ли люди, которые никогда в жизни не видели сны, но Дэнил принадлежал именно к тем. И поэтому, когда к нему в гости, в его мозг пожаловало голубое облако, то он перепугался до смерти. Он мгновенно проснулся, нащупав на комбинезоне, который снимал очень редко, кнопку экстренной связи. Но все было спокойно.

– Может, я схожу с ума? – это первое, что ему пришло на ум. Он включил свет, огляделся. Хват, закончивший свою работу, уже стоял в своём углу и с интересом смотрел на своего куратора, недоуменно крутя приёмными антеннами. Раньше его хозяин никогда не просыпался по ночам, и поэтому у него не был выработан условно программный рефлексор на такой случай. Его электронная башка идентифицировала это событие как происшествие чрезвычайной категории. По миганию всех его индикаторов было видно, что он готов хоть в огонь, хоть в воду, хоть в космос. Хват сразу, как это требует протокол номер один, обра-

тился за помощью к Эпокапу. Эпокап, получив чрезвычайный запрос по поводу пробуждения Дэнила, собрав все свои электронные мозги, ответил, что волноваться нет причин, и завтра Дэнила посмотрит Джейн.

– Хват, что произошло? – угрюмо спросил Дэнил.

– Ничего необычного мною не зарегистрировано.

Дэнил закурил, выключив свет, задумчиво по привычке глядя в круг иллюминатора. С каждым мгновением голова тяжелела, теплела, становилась тяжелой и словно не своей. Дэнил подплыл к кровати, и, чего с ним было очень редко, пристегнулся к ней ремнями. Обычно он спал, во сне придерживаясь рукой за край. Наконец он провалился в крепкий сон. И когда он опять увидел сон, то единственное, что он мог делать, так это спать, и смотреть его, уже не пугаясь...

Сначала были трущобы. Серые. Мерзкие. Тёмные, заляпанные улочки, вонючий смрад. В конце улицы появилась парочка влюблённых, они идут, крепко обнявшись, изредка останавливаясь, чтобы утонуть в глубоком поцелуе. Он их не может узнать, но чувствует, что где-то раньше он уже встречался с ними. Вдруг парочка перестает целоваться, всматривается вдаль, словно пытаясь разглядеть Дэнила. И, наконец, разглядев, бежит к нему. Не поняв ничего, испугавшись, Дэнил бросается наутёк. Он уже чувствует позади жаркое дыхание догоняющих.

– Дэнил, ты – наш сын, не бойся нас! – кричат они.

Трущобы мелькают все быстрее и быстрее, сливаясь в сплошной размытый поток. Ветер все сильнее и сильнее свистит в ушах, постепенно переходя в рёв. Свирепый встречный вихрь, словно голодный волк, ещё чуть-чуть, и начнёт срывать мясо. Но родные и привычные звёзды становятся ярче и ближе. Дэнил оглядывается: Тенля осталась позади, но голоса парочки ещё слышны. Молодые люди ему что-то говорят, но ничего нельзя понять, лишь последнюю фразу Дэнил услышал отчётливо: «– Оставь здесь внуков, здесь, на Тенле!». Дэнил уже летит в безбрежном космосе в неизвестные дали, а по бокам опять появляются трущобы, слитые от громадных скоростей в единый поток. Они резко преображаются, превращаясь в каменный поток громадных чёрных глыб. Это уже не космос, а бездонное ущелье Смерти, в которое Дэнил падает, не имея ни малейшей возможности спастись....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.